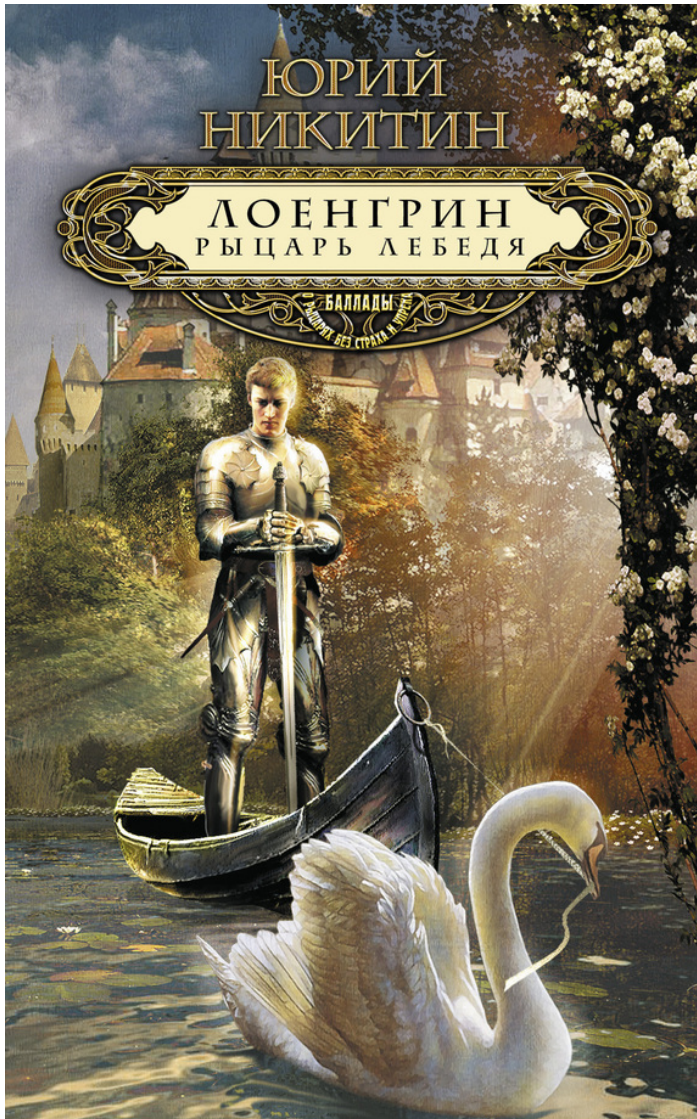

ЮРИЙ
НИКИТИН

ЛОЕНГРИН
РЫЦАРЬ ЛЕБЕДЯ

БАЛЛАДА

О ЛЮБВИ БЕЗ СТРАХА И СТЫДА

Юрий Александрович Никитин
Лоенгрин, рыцарь Лебеда
Серия «Баллады о рыцарях
без страха и упрека»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3001095
Лоенгрин, рыцарь Лебеда: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-54847-7

Аннотация

В историю искусства навечно врезаны имена самых знаменитых рыцарей-героев: Лоенгрина, Тангейзера, Парцифалья, Ланселота, Тристана, Танкреда... О них созданы оперы, величайшие художники запечатлевали их на полотнах, скульпторы высекали в мраморе, а поколение за поколением учило детей на их примере быть благородными, отважными, самоотверженными, верными слову чести и долгу.

Автор из того времени, когда эти имена были на слуху, а понятия о чести и долге еще не устарели. Не забывайте о них и вы!

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	40
Глава 5	49
Глава 6	61
Глава 7	71
Глава 8	83
Глава 9	94
Глава 10	106
Глава 11	120
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Юрий Никитин

Лоенгрин, рыцарь Лебеда

ЮРИЙ
НИКИТИН

Часть I

Глава 1

Через все сияющее небо пугающе грозно протянулось тяжелое темное облако в виде дракона. Небосвод начал потрескивать, не выдерживая исполинской массы, но туча вскоре начала истаивать медленно и неторопливо, наконец на ее месте остался обглоданный скелет. Длинные острые шипы пошли ровно один за другим, нанизанные на толстый позвоночник, и жители Брабанта, поднимая глаза, вздрагивали и крестились. Не к добру такое знамение, не к добру.

Многие тут же поворачивались и тревожно смотрели на возвышающийся на холме гордый замок Анвер, сложенный из строгого серого гранита. На самой высокой башенке гордо реет знамя герцога Готвальда, в окнах из цветного стекла искристо переламываются солнечные лучи, но все знают, что в замке невесело: властелин Брабанта готовится принять причастие.

Тяжелые раны и суровая жизнь воина надорвали железное здоровье герцога. А в Брабанте, где сразу ощутили ослабление крепкой длани, мгновенно вспыхнули войны сеньоров друг с другом за пашни, леса, озера, а то и вовсе из-за косого взгляда, неосторожного слова.

Да что там взгляда или слова, достаточно и того, если сосед вроде бы слабее, можно попытаться отхватить часть владений, а при удаче и вообще захватить его замок и объявить эти земли своими.

В замке герцога тихо и сумрачно, солнце выглянуло из-за края земли и осветило флаги на вершинах башен, затем радостный свет начал сползать по грубой каменной кладке, но в замке еще царит ночь, а светильники на стенах рассеивают тьму только вблизи себя.

Страж в главном зале вздрогнул и крепче сжал копье. Массивная голова исполинского дракона, закрепленная стальными клиньями на стене напротив двери личных покоев герцога Готвальда, шумно вздохнула. Огни факелов затрепетали, плотные кожистые веки древней рептилии приподнялись. Страж оцепенел. На него в упор уставились огромные, размером с фламандские яблоки кроваво-красные глаза. И с каждым мгновением все больше разгорались злоеющим пурпурным огнем.

Дракон всхрипнул, тяжелые веки медленно опустились, кровавый свет погас. Страж дрожащей рукой перекрестился, горло перехватило страхом, а когда набрался сил и завопил, голова дракона, убитого сэром Готвальдом, герцогом Брабанта, двадцать лет тому, уже стала неподвижной и безжизненной, как и все эти годы.

Священник, явившись по тревоге вместе с отрядом стражи, окропил голову чудища святой водой, прочел молитву,

однако воины все равно переглядывались и поминали Врага.

Появился доблестный сэр Перигейл, старый соратник герцога, его друг с юных лет, суровый и немногословный рыцарь, массивный, собранный.

– Это знак, – буркнул он с великой неохотой.

– Герцог? – спросил тихонько один из стражей.

Сэр Перигейл кивнул.

– Дракон смотрел на эту дверь?

Он указал в сторону опочивальни, где, как все знают, на ложе распростерт тяжелобольной властелин Брабанта.

– Да...

– Дурной знак.

– Что нам делать?

– Пойду проведаю, – проронил он скупо.

Они все провожали его тоскливыми взглядами, в которых, как заметил священник, все еще теплится надежда.

Начальник стражи вошел в опочивальню и плотно прикрыл за собой дверь, а священник еще продолжал бормотать молитву, но воины слышали в его усталом голосе тоску и безнадежность.

Вера Христа пришла в эти суровые земли недавно, вроде бы успела закрепиться, однако старые взгляды сильны. Даже в самом замке, не говоря о его окрестностях, встречаются призраки, привидения, есть люди, что оборачиваются волками, а ведьмы умеют насылать на людей мор... Церкви только начали в Брабанте свой тяжелый неблагодарный и вечный

труд, работы непочатый край, здесь нужно не только выпалывать сорняки, но сперва вообще распахивать слежавшуюся целину древних суеверий и представлений о роли человека в мире, который создал для него Господь.

Заканчивая молитву, священник прошептал с жаром:

– ...и еще, Господь, поддержи и умножь число тех, кто всеми силами души стремится построить Царство Божье на земле... Аминь.

Стражники промолчали, только один буркнул:

– Зачем?

– Как копию Царства Божьего на небесах, – ответил священник с просветленным лицом. – Это Его воля!

Дверь опочивальни распахнулась, сэр Перигейл появился на пороге бледный и с осунувшимся лицом.

– Буди Эльзу, – произнес он дрогнувшим голосом. – Его светлость просит позвать дочь... Бегом!

Один из стражей сунул копье и щит напарнику и ринулся со всех ног вниз по лестнице, промчался через зал, затем побежал вверх по другой лестнице, что ведет в другое крыло замка, где располагается женская половина.

Священник тяжело вздохнул, сэр Перигейл требовательно кивнул на дверь опочивальни.

– Господи, – воскликнул священник, – только не сейчас! У него еще много дел, пусть закончит, потом призовешь на свой суд...

Сэр Перигейл произнес мрачно:

– Мне почему-то кажется, Господь так же мало слушает святых отцов, как и всех прочих.

– Не богохульствуй, – сказал священник с праведным гневом. – Вот увидишь, сильные люди не уходят, не завершив земных дел и не сказав великих слов мудрости, которые нужно запомнить, начертать и выполнять свято!

Послышался топот, примчался запыхавшийся страж, выкрикнул с ходу:

– Эльзы нет в ее покоях!

Сэр Перигейл прорычал:

– Так найди...

Воин, что вернул посланцу его копье, сказал неуверенно:

– Уже утро... Я знаю, где она!

– Где? – вскрикнул сэр Перигейл нетерпеливо.

– На рассвете юная леди обычно ухаживает за нежными цветами на заднем дворе.

Сэр Перигейл взглянул на вспыхнувшие золотым огнем крыши мелких построек во дворе.

– Так рано?... Неважно, беги за ней!

Воин сорвался с места, а когда он был уже на выходе, сэр Перигейл прокричал вдогонку:

– Пусть поторопится! Ее отец очень плох...

Через несколько минут со двора послышался девичий вскрик, тонкий и жалобный, в зал вбежала золотоволосая Эльза, платок не сумел удержать все кудри, пара крупных локонов выбралась на свободу, и они болтаются на бегу, а

светлые, как вода горного ручья, глаза девушки уже наполнились слезами.

– Сэр Перигейл? – вскрикнула она тонким голосом.

Перигейл запнулся с ответом, не в силах смотреть в ее дивные глаза, крупные и настолько прозрачные, что всяк вспоминает холодную и кристально чистую воду горных ручьев. Дочь герцога воплощает в себе все девичьи достоинства: среднего роста, чиста, как рыбка, о ее золотых волосах все говорят с восторгом – до пят, когда распустит, густые и кудрявые, но их видели только служанки да увидит еще тот счастливец, кому достанется в жены, она всегда мила и приветлива, но о ее чистоте и целомудрии говорят даже завистники, и настолько трепетна и ранима, что он просто и не знает, как выговорить вслух такие страшные слова.

Кашлянув в затруднении, он мотнул головой, указывая на дверь опочивальни.

– Ваша светлость...

Она вскрикнула в божественном испуге:

– Ему плохо? Вы пойдете со мной?

Он покачал головой:

– Нет.

Она торопливо бросилась к опочивальне, страж распахнул перед нею дверь. Широкое ложе с балдахином у противоположной стены, ее отец лежит на спине, бессильно уронив руки вдоль тела, и сердце Эльзы сжалось острой болью.

Ее огромный отец стал еще меньше, высох, массивные му-

скулы истаяли, а когда смотришь ему в лицо, невольно видишь голый череп, пока еще обтянутый кожей. Глаза ввалились, некогда пышные волосы не просто поредели, а покинули голову. Странно и непривычно видеть розовую плешь...

– Эльза, – прошелестел голос, она узнала голос отца, хотя тот не шелохнулся и почти не шевелил губами. – Эльза...

– Отец, – вскрикнула она жалобно, – я здесь!

– Эльза, – повторил он едва слышно, – я не могу покинуть этот мир до тех пор, пока мое сердце не будет спокойно, что с тобой все в порядке, дочь моя единственная...

Она чувствовала, как слезы брызнули из ее глаз.

– Батюшка!.. Я люблю вас!

– И я тебя очень люблю, мой птенчик...

– Не покидайте меня, отец!

– Господь зовет...

– Я все ночи умоляю его, чтобы он оставил вас еще на земле. У вас еще много дел!

Он прошептал слабо:

– Вот потому я тебя и позвал, моя славная дочь. Я скоро умру, не оставив наследника, что меня ужасает больше всего и... наполняет мое сердце скорбью. Но так уж получилось, что твой брат Готфрид исчез так внезапно... Правда или нет, что разорвали дикие звери, но у меня нет надежды, что он вернется когда бы то ни было. Ты остаешься одна, Эльза. Я долго перебирал всех вассалов, среди них много достойных рыцарей... но остановил свой выбор на Фридрихе фон Тель-

рамунде...

Она вздрогнула, но умирающий отец не заметил ее испуга. Эльза прошептала:

– Сюда спешат лучшие лекари Тюрингии. Их вызвал благородный Перигейл. Они тебе помогут, отец!

Он покачал головой:

– Нет. Смерть уже приходила за мной, но я попросил у нее отсрочки, пока позабочусь о тебе. Солнышко мое, а теперь попроси Перигейла, чтобы он послал за сэром Тельрамундом.

Она покорно поклонилась.

– Хорошо, отец. Его долго ждать не придется, он прибыл два дня тому. И ждет, как ворон...

Он прошептал с укором:

– Дочь, что ты говоришь...

– Прости меня, отец. Я не доверяю ему.

– Он самый могущественный из моих вассалов, – произнес герцог едва слышно. – Он всегда был мне верен. Я всегда опирался именно на него...

Эльза вышла вся в слезах, глаза красные, как у кролика, губы вздрагивают, подняла на сэра Перигейла робкий взгляд.

– Отец желает видеть графа Тельрамунда.

Он кивнул, на лице полное понимание, сказал негромко:

– Не утруждайте себя, я позову его сам.

– Спасибо...

Она хотела уйти, но он добавил с предостережением в голосе:

– Я понимаю вас, ваша светлость, но я предпочел бы, чтобы вы присутствовали при их разговоре.

Она прошептала:

– Но отец ничего не сказал...

– Это ваше право, – настойчиво произнес он. – Тем более что отец именно вас послал за графом, как я понимаю.

– Да, сэр Перигейл...

– Потому вы вправе, – закончил он, – просто обязаны присутствовать при их разговоре.

Она судорожно вдохнула, как ребенок после долгого безутешного плача, прошептала едва слышно:

– Хорошо... Я войду к отцу вместе с ним.

За Тельрамундом послали стража, вскоре снизу из главного зала послышались тяжелые шаги. Эльза устрешенно отступила на шаг, потом еще на один. Ей всегда казалось, что из всех людей, кого она знала, нет более огромного, угрюмого и мрачного человека, молчаливого и холодно-жестокоего, но умеющего, как говорят о нем рыцари, взрываться серией сокрушающих ударов, когда он приходит в бешенство. Но при дворце герцога Тельрамунд всегда медлительно рассчитлив в словах, жестах и поступках. Она часто ловила на себе его тяжелый взгляд, но здесь он не подходит к ней, лишь изредка поворачивает огромную, как артельный котел для ра-

бочих, голову с грубо-черными волосами, и она чувствует, как ее обдает смертельным холодом.

Он появился в красном бархатном камзоле, красных штанах и такого же пурпурного цвета сапогах, приблизился, похожий на раскаленную в недрах ада скалу, навис над ними, как крепостная башня.

Голос его прогрехотал, как гром:

– Насколько он плох?

– Пора лекаря сменить на священника, – ответил сэр Перигейл коротко. – А то не успеем.

Тельрамунд кивнул, хмурый и сосредоточенный, пробормотал тем же грохочущим голосом:

– Ну что ж... с Божьей помощью укрепимся.

На Эльзу он не смотрел, а она, собрав все мужество, первой толкнула дверь и вошла, предоставив рассерженному гиганту идти следом.

Он на мгновение заполнил собой весь дверной проем, а чтобы войти в спальню, пришлось наклониться.

Эльзе показалось, что каменный пол прогибается под его тяжестью, хотя Тельрамунд на этот раз не в стальных доспехах, которые редко когда снимал.

Он приблизился к постели герцога и почтительно опустился на одно колено. Рука герцога приподнялась, бледные пальцы коснулись лба рыцаря и бессильно упали на одеяло.

– Фридрих фон Тельрамунд...

– Я здесь, – пророкотал он негромко, – ваша светлость.

– Тельрамунд, – прошептал герцог, – ты всегда был самым верным вассалом... Я всегда опирался на тебя. Я доверял тебе больше всех, и ты меня никогда не подводил. Ты был и остаешься самым испытанным защитником герцогства Брабант, ты его щит и меч...

Тельрамунд сказал так же негромко:

– Вы слишком лестно обо мне, ваша светлость...

– Нет, – сказал герцог, – я редко тебе такое говорил, но сейчас скажу: даже в управлении землями я всегда полагался на твои разумные и житейски правильные советы.

– Ваша светлость...

– Не перебивай, – попросил герцог совсем слабым голосом. – Сейчас я позвал тебя, чтобы попрощаться.

– Ваша светлость, – прогрохотал Тельрамунд тяжелым голосом, – не говорите так!

– Увы, черный монах уже приходил ко мне.

– Гоните наглеца...

– Этого не прогнать. Тельрамунд, у меня к тебе только один очень важный вопрос...

Тельрамунд поднял голову и посмотрел прямо в лицо герцогу.

– Ваша светлость, – сказал он громко и с жаром. – Вы не должны задавать вопросы. Вы должны приказывать! Я все исполню.

– Тельрамунд, – проговорил герцог, – я рад твоим словам... Ты знаешь, что именно меня тревожит больше всего.

Ты видишь Эльзу, что остается одна без моей могучей защиты. Было время, ты когда-то сватался к ней...

Тельрамунд ответил твердо:

– Ваша светлость, ваша дочь мне отказала. Я женился на графине Ортруде, дочери фризского герцога, браком доволен.

– Рад за тебя...

– К вашей Эльзе, – продолжал Тельрамунд тем же ровным тоном, – питаю всяческое уважение и почтение.

– Я рад, – прошептал герцог, – я рад...

– Что мне сказать еще? – произнес Тельрамунд почти ширепо. – Если вас забирает Господь, хотя я просил бы Его не торопиться, если бы Он прислушивался к моим советам, то можете идти спокойно. Герцогство вы держали крепко, крестьяне богатели, купцы торговали, разбойники исчезли. Кого бы вы ни назвали преемником, я клянусь в неизменной преданности и верности этому человеку. И буду ему таким же щитом, как был для вас, ваша светлость. Там, на небесах, вы должны знать, что в герцогстве будут покой и порядок!

Герцог вздохнул, опустил красные воспаленные веки и лежал так долго в неподвижности, что Эльза снова залилась слезами. Тельрамунд хмуро и раздраженно посапывал, но оставался коленопреклоненным у постели своего сюзерена.

Наконец веки герцога медленно поднялись, а синие бескровные губы шевельнулись.

– Благодарю тебя, Тельрамунд, – произнес он едва слыш-

но. – Ты – достойный рыцарь, я верю, что твое рыцарское слово нерушимо. Я оставляю трон своей дочери Эльзе...

Он умолк на некоторое время, переводя дыхание, Тельрамунд молча поклонился.

– Да, ваша светлость.

– А тебе, – договорил с трудом герцог, каждое слово ему давалось так, словно нес тяжелый камень на гору, – поручаю заботиться о землях герцогства, продолжая так же верой и правдой служить трону, как ты служил все эти годы.

Тельрамунд прогрохотал тяжелым, как надвигающаяся туча, и грозным голосом:

– Ваша светлость, вы можете на меня положиться.

Герцог дышал все тяжелее, его рука сделала знак Тельрамунду подняться. По лицу Эльзы потоком бежали слезы, но теперь плакала молча, стараясь как можно меньше волновать отца.

– Оставь нас, доблестный Тельрамунд, – сказал едва слышно герцог. – Я дам последние наставления дочери...

Глава 2

Тельрамунд поклонился и вышел, снова пригибая голову в дверях, и Эльза в который раз подумала со страхом, до чего же он огромен. Едва за ним закрылась дверь, она с плачем бросилась к отцу, упала на колени и начала покрывать горячими поцелуями его высохшие руки.

– Не оставляете меня, отец!.. Не оставляйте! Я не смогу без вас! Я слабая, я не смогу...

Он поднял руку, она послушно замолчала, только слезы бежали и бежали по смертельно бледному лицу.

– Защита тебе будет, дочь моя. Все вассалы поддержат тебя. А граф Тельрамунд поклялся в верности, хотя я и раньше не сомневался в его рыцарской чести.

– Отец, мне страшно!

Бледные, почти прозрачные, исхудавшие пальцы ласково коснулись склоненной головы, скользнули по золоту роскошных волос.

– Не бойся. Кроме всего, есть еще король Генрих. Он силен, мудр и справедлив. Он всегда относился ко мне с уважением. И ты в случае необходимости в любой момент можешь прибегнуть к его защите и покровительству.

– Отец, мне все равно страшно! Не оставляй меня. Пожалуйста, ну пожалуйста, не оставляй меня одну!

– Дочь моя... все в твоих руках...

– Отец...

Он сказал тихо:

– В тебе больше силы, чем ты думаешь... Только не сдавайся... не сдавайся... Ничему не сдавайся...

Голос его оборвался, веки опустились. Эльза вскрикнула в ужасе, но герцог всего лишь впал в глубокий сон, обессилев от долгого разговора.

Пришел лекарь, но вскоре уступил свое место священнику, а сам сидел в уголке, наблюдая за впавшим в забытие герцогом. Иногда он приходил в себя, и они беседовали со священником, но тихо-тихо, никто не слышал их слов. Священник сообщил Эльзе, что ее отец уже исповедался и получил полное отпущение грехов, так что пусть благочестивая дочь не беспокоится. Хотя земная жизнь герцога оборвется вскоре, но начнется вечная жизнь в Царстве Небесном...

Эльза плакала, слушая слабое утешение. Никогда не чувствовала себя такой беспомощной, потому что с нею был младший брат Готфрид, пусть еще и почти ребенок, а еще всегда рядом могучий и властный отец, перед которым все трепетали, и всегда везде множество слуг, что опрометью бросаются выполнять каждое ее желание. Но брат исчез, отец умирает... а будут ли слушаться ее подданные?

Прошло еще два дня, священник передал через слугу, что герцог умирает и желает увидеть своих вассалов. По залам загрохотали тяжелые сапоги, рыцари спешили предстать перед угасающими очами своего повелителя, с которым одер-

жали много славных побед.

Эльза сидела, опухшая от слез, когда священник сообщил, что ее отец сейчас уже у Небесного Престола, его земная жизнь кончилась, началась жизнь вечная, а следом зашел сэр Перигейл, тяжело вздохнул и развел руками.

– Милая леди, – проговорил он с глубоким сочувствием, – вам нужно собраться с силами... Трон не может быть пуст. Вы должны созвать вассалов герцога, они должны принести клятву верности вам.

Она вскрикнула:

– А если они не захотят?

– Что, – не понял сэр Перигейл, – принести присягу покорности?

– Да.

Он криво ухмыльнулся.

– Леди Эльза... скажу по секрету, все мы гораздо охотнее покоряемся женщине, чем мужчине. Преклонить колено перед мужчиной – это признать себя слабее, а нам это всегда больно делать, а вот преклонять перед женщиной легко, потому что покоряемся ее красоте и целомудрию...

– Ох, – прошептала она, – все равно меня это все ужасает...

– Поздно, – сказал он с сочувствием. – Я уже послал гонцов от вашего имени. Железо нужно ковать, пока горячо. Рыцари сегодня же соберутся в главном зале.

– Ох...

– Надо, – сказал он твердо, – пока не все еще опомнились. Некоторые начали прикидывать разные варианты, как только герцог заболел!... С теми придется повозиться отдельно... А сейчас идите к себе и подготовьтесь. Сотрите с лица эту растерянность! Отныне – вы герцогиня!

Она простонала:

– Но кто меня будет слушаться?..

Он потемнел лицом, пожал плечами.

– Если Тельрамунд будет гарантом, кто посмеет его ослушаться?..

– Он меня пугает больше тех мятежных вассалов!

– Эльза, – произнес он почти ласково, она никак не ждала услышать от него такой голос, – мир... не совсем дружелюбен. Раньше отец защищал вас от его грубости, а сейчас... гм... вам нужно укрепиться духом. Все, идите и хорошо подготовьтесь!

Она так и эдак примеряла перед зеркалом золотую корону отца, пальцы дрожат, а усеянный рубинами обруч кажется тяжелее мельничного жернова.

Алели, ее ближайшая и самая доверенная служанка, вертится вокруг и расправляет складки на платье. Ее глаза полны слез, она всегда чувствует боль и страх своей госпожи.

– Все будет хорошо, – повторяла она убеждающе, – все будет хорошо, только не выказывайте страха...

– Я все равно боюсь!

– Бойтесь, – согласилась Алели, – но страха не выказывайте.

– Ах, Алели, мое сердце чует беду!

– Госпожа, какая беда может быть у такой красивой и замечательной госпожи? Которую боготворят все рыцари?

– Не знаю...

– Вот и не будет никакой беды!

– Как не будет, когда я чую ее холодное дыхание...

Обе вздрогнули, внезапно ударил колокол, густой звук потек через узкие окна, наполняя помещение тяжелым медным гулом.

Эльза побледнела.

– Это сигнал сбора в коронном зале!

– Госпожа, – вскрикнула Алели, – так это ж вы их собираете! Рыцари сейчас отовсюду направятся в замок, чтобы предстать перед вами и принести присягу...

Эльза прерывисто вздохнула, она все еще ломала в отчаянии руки, но заставила себя гордо выпрямиться, окинула придиричивым взглядом свое отражение в зеркале. Бледная, с исхудавшим лицом, но все еще прекрасная, ни у одной женщины нет таких роскошных золотых волос, нет таких ярких синих глаз, а о ее безукоризненном лице барды слагали песни...

– Все, – сказала она и прислушалась к своему голосу, – надо идти. Я должна сесть на трон, пока никто не вошел... чтобы не увидели, как я дрожу.

– Госпожа, – сказала Алели убеждающе, – вам нечего бояться...

Эльза бросила в ее сторону быстрый взгляд, холодок прошел по внутренностям. Служанка утешает, но сама смотрит с такой тревогой, словно ее госпожа идет не принимать присягу от верных вассалов, а на смерть.

У дверей в коронный зал пусто, хотя совсем недавно стояли закованные в железо рослые часовые. Не потому, что герцог опасался за свою жизнь, а так принято. Как, к примеру, на троне нужно сидеть, выпрямив спину и положив руки на широкие подлокотники. Голова дракона, что напротив двери, недвижима, плотные кожистые веки закрывают огромные выпуклые глаза рептилии, но на морде застыла злобная сардоническая ухмылка.

Эльза зябко передернула плечами, ноги стали ватными. Она с трудом открыла тяжелую дверь, толстую и окованную железом, украшенную множеством львиных и кабаньих голов. Из огромного зала пахнуло могильным холодом и ужасающей пустотой. До этого как-то не замечала, что зал мрачен, плохо освещен, свод слишком низок, а поддерживающие его колонны чудовищно толстые. Неприятно синеватый свет падает из узких зарешеченных окон, и от этого мертвенного, как губы мертвеца, света зал кажется еще холоднее и неуютнее.

Трон находится на возвышении под дальней стеной, что правильно: герцог видит, как открываются двери, впуская

гостей, а те успевают сориентироваться, как идти между рядами придворных вельмож, кому поклониться, кому кивнуть, кому просто слегка улыбнуться, а у трона где остановиться, чтобы не слишком далеко и не слишком близко, все должно быть строго выверено, все-таки знать, не простолюдины какие, здесь каждое движение и каждый жест исполнены смысла и не бывают случайными.

Она торопливо взошла к трону, он на небольшом возвышении, ибо властелин, даже сидя, должен видеть поверх стоящих перед ним придворных. Да и вообще герцог в торжественных случаях и чисто символически должен быть выше всех, таким мелочам придается большое значение, и все замечают малейшие изменения в ритуале.

Трон, холодный и неживой, словно каменный, принял ее безучастно. Эльза откинулась на высокую спинку, корона чуть звякнула, коснувшись черного орла с угрожающе растопыренными крыльями, эмблемы герцогства Брабант. Эльза вскинула руки, проверила, ровно ли сидит на ее золотых волосах корона. В раскрытых дверях показались люди, и она поспешно отдернула пальцы, теперь руки нужно положить на подлокотники и не снимать, только так поза выглядит величественной и королевской.

Первым вошел Перигейл как глава дворцовой стражи. Эльза с облегчением смотрела на его рослую фигуру, законную в легкие доспехи, поверх них тонкий кафтан, штаны и чулки-шоссы тоже неброские по цвету, это единственный

рыцарь, что не стремится выделиться ни покроем одежды, ни яркостью красок. За ним же ввалилось море красного, зеленого, синего, желтого — никаких полутонов, все предельно яркое, контрастное, в глазах зарябило, и Эльза заставила себя смотреть только на лица входивших.

Зал постепенно заполнялся крупным, могучего сложения народом. На Эльзу пахнуло силой и жестокостью, лица у всех суровые, у многих испещрены шрамами, но почти все смотрят с сочувствием. Никто не скажет слова утешения, сейчас не место и не время, но она ясно читала в глазах рыцарей готовность прийти на помощь и впервые за много дней тихонечко, чтоб никто не заметил, перевела дыхание с облегчением.

Один за другим подходили рыцари, опускались на одно колено и, склонив голову, произносили слова присяги и верности трону. Эльза благосклонно кивала, принимая клятву, рыцарь поднимался и отступал, давая место другому. Те, кто еще не принес присягу, и те, кто уже присягнул, стоят вместе, перемешавшись, но Эльза видела, что никто не колеблется, и как только присягнувший поднимается, сразу двое-трое делают движение занять его место.

И только Тельрамунд стоит неподвижно, как каменная башня среди низкорослых деревьев, лицо его непроницаемо, а глаза полужакрыты. Страх рос в сердце Эльзы, а когда присягали последние, холодок в сердце превратился в ошутимый ледяной ком.

Она собралась с силами и произнесла ясным и контролируемым голосом:

– Всем спасибо! Отдыхайте, а сейчас в большом зале накроют столы для большого пира.

Рыцари начали выходить из зала, Тельрамунд повернулся к двери тоже, Эльза сказала негромко:

– А вас, граф, я прошу задержаться.

И хотя Тельрамунд был не единственным графом, но понял правильно, даже явно понял почему, остановился и вперил в нее мрачный взгляд.

Выждав, когда за дверью скрылся последний рыцарь, Эльза напомнила:

– Граф, я не видела вас среди приносивших присягу.

Тельрамунд смотрел свысока, как на твякающего щенка, каменные губы чуть дрогнули в недоброй усмешке.

– Правда?

– Да, граф.

Тельрамунд сказал, глядя в ее бледное лицо:

– А вы в самом деле ожидали, что я стану перед вами на колено?

– Граф, таков порядок...

Он нахмурился, голос стал резче и злее:

– Порядки устанавливают сильные для слабых. Недавно был самым сильным герцог. Теперь во всем герцогстве нет никого сильнее меня. Вы хорошо поняли меня, Эльза?

Он прошептала:

– Нет.

– В самом деле?

– Объяснитесь, граф...

Он прогрохотал, уже не приглушая голоса:

– Вы сделали большую ошибку, Эльза, в тот роковой день, когда отвергли меня, лучшего из лучших, как претендента на вашу руку! Сейчас я бы стал герцогом, а вы были бы герцогиней. А так я стану герцогом... объявив, что трон герцог Готвальд передал мне, а вы станете... гм... роль старшей над служанками вас устроит? А я иногда буду великодушно заходить в вашу каморку, чтобы снизойти до ваших прелестей.

Эльза смертельно побледнела.

– Граф... вы понимаете, что вы говорите?

Он прорычал зло:

– А вы понимаете, что должны разговаривать со мной иначе уже сейчас? Я могу поставить вас и младшей служанкой.

– Что? Что вы сказали?

Он сказал, повышая голос:

– Будете стелить мне постель, а когда я решу, что вы надоели мне, будете жить в коровнике!.. Так что советую быть со мной... поласковее, мотылек. Я умею обрывать крылышки.

Она прошептала, сдерживая слезы:

– Как отец ошибся в вас! Он считал вас верным и преданным вассалом!

Тельрамунд зло ухмыльнулся.

– Я и был им, пока был молод и глуп. Теперь я владетель-

ный граф, я занимаюсь торговлей, у меня ремесла, ростовщики, золотокузнецы. Я умею усмирять мечом, но еще надежнее усмирять золотом! И здесь моя власть уже выше, чем у герцога!

Она собралась с силами, вымолвила дрожащим голосом:

– Позор вассалу, что нарушает клятву! Позор тому, кто бьет в спину. Позор мужчине, который пользуется тем, что женщина не может поднять тяжелый меч и защитить свою честь...

Он захохотал, широко раскрывая огромный рот. Зубы блеснули крупные, желтые.

– Нет никакого позора! – прорычал он густым голосом. – Это все выдумки. Я все чаще имею дело с торговцами и уже знаю, что стыд глаза не выест. Главное – прибыль. А я знаю, что получу. Так что сдавайтесь, мотылек. Я могу быть и милостив... ха-ха!

Она прошептала:

– Мои вассалы не позволят вам захватить трон!

Он ухмыльнулся.

– Да?

– Я им все расскажу...

– А я расскажу свое. И кому они захотят поверить?

Она замерла, Тельрамунд употребил очень точное слово «захотят». Ее слово против его слова, но она слабая женщина, а Тельрамунд – прославленный воин, одержал победы больше чем в ста пятидесяти сражениях, он несметно богат,

через Ортруду у него связи с многими знатными родами, а графство его самое крупное в герцогстве. И вассалы, поставленные перед выбором, могут предпочесть на троне Тельрамунда.

Она прошептала:

– Уходите! Уходите немедленно.

Он не сдвинулся с места, нагло захохотал, глядя на ее мертвенно бледное лицо, перевел взгляд на глаза дочери герцога, что быстро наполняются слезами, снова гулко хохотнул и двинулся к двери неспешно и небрежно, каждым движением выказывая, что уходит сам, по своей воле, и что в этом громадном замке он либо уже хозяин, либо будет им очень скоро.

Глава 3

Она взглянула на Перигейла и по его взгляду поняла, какой он видит ее: нежное чистое лицо с глазами прозрачнее родниковой воды, толстые золотые косы перевиты жемчугом и падают до самых пят, прямая и стройная, с прямой спиной, вид гордый, но те, кто ее знают, сразу скажут, что глаза у юной герцогини испуганные, как у пойманного кролика.

Перигейл проговорил невесело:

– Даже будучи больным, ваш батюшка держал власть в железном кулаке.

– А что сейчас? – спросила Эльза тревожно.

Ее сердце сжалось от недоброго предчувствия. Перигейл помедлил, она поняла, что ему очень не хочется говорить, и предчувствие переросло в тревогу, в груди возникла боль.

– Тревожно, – ответил он уклончиво.

– Это как? Говори!

– Барон Эварист Хардбальд заявил, что налоги в герцогскую казну слишком велики... Граф Гердвин сообщил, что и он отказывается платить, пока их не сделают более справедливыми. Но дальше всех зашел виконт Хейл, он сказал, что достаточно и того, если они посылают свои дружины на зов герцога.

Она заломила руки.

– Это мятеж?

– Нет, – проговорил он размеренно и успокаивающе, – еще не мятеж, однако вассалы поднимают головы. Формально имеют право на пересмотр.

– Почему?

Он объяснил терпеливо:

– Присягали не вам, а вашему отцу. Но он умер, все от присяги свободны. И еще понимают, что ваши слабые руки не в силах их принудить к повиновению.

Она опустила руки, а Перигейл перехватил ее беспомощный взгляд на свои ладони с тонкими длинными пальцами.

– Что же делать, Перигейл?

Он коротко поклонился.

– Эльза, мою верность никто не поколеблет. Но по всему герцогству говорят, что слабая девушка не удержит власть в беспокойной стране.

– И что... какой выход?

Он произнес бесстрастно:

– Замужество.

Она охнула, Перигейл с сочувствием смотрел, как она закусил губу, а в глазах появились слезы. Знатные рыцари часто появлялись в замке герцога и просили руки его дочери, но Эльза отказывала всем, а на упреки отца отвечала, что ни один не затронул ее сердца. И напрасно отец говорил, что только простолюдины могут поддаваться его зову, а благородные люди в первую очередь следуют зову чести, справедливости, благородства, а те из них, кто еще и облечен вла-

стью, должны руководствоваться интересами своей страны.

Звонко прозвучала далекая труба, Эльза безнадежно вздохнула. По смерти герцога все чаще доносится этот зов, извещающий, что к замку приближается рыцарь со свитой, который просит опустить мост и открыть ворота. Очередной жених, очередной претендент на ее руку и, главное, на трон Брабанта.

«Главное, трон, – подумала она с горечью. – Хотя все и говорят о моей красоте, но меня не видели, а трон видеть необязательно, чтобы понимать, что такое власть над целым герцогством. Громогласно заявляют, что приехали, очарованные моей красотой, но сколько из них просто врут? И как их отличить?»

Перигейл тяжело вздохнул.

– Леди Эльза... Что я вам могу посоветовать?.. Только выбрать среди женихов того...

– Они мне все неинтересны!

Он договорил:

– Тогда просто наименее противного. Но, простите, женщина не сможет управлять Брабантом. Брабантом непросто управлять даже очень сильному мужчине!.. А теперь, леди Эльза, нам нужно поспешить в малый зал...

– Что случилось?

Он сдвинул плечами, но взгляд его ушел в сторону.

– Ряд рыцарей настаивают, что нужно принять некое решение...

– О моем замужестве?

Он тяжело вздохнул.

– Леди Эльза... если бы вы знали, что все женщины выходят без любви, а по долгу!.. Разве ваша мать вышла за герцога по любви, пламенной и безудержной? Нет, ее выдали за него, даже не видя его толком. А она увидела жениха только в день бракосочетания!.. И что, разве ваша мать была несчастлива?..

Она пробормотала, уже поколебленная:

– Она умерла, когда мне было четырнадцать, но она была... счастлива. И она любила отца. И он ее...

– Ну вот видите!.. А сейчас пойдемте. Нельзя, чтобы такие важные решения принимались без вас.

В малом зале собирались знатные рыцари герцогства, переговариваются сдержанно и таинственно. Все чувствовали, что произойдет нечто важное, потому все пришли в самой нарядной одежде, многие надели парадные доспехи, мало пригодные в бою, но очень красивые, с рисунками на панцире, с позолотой и серебряной насечкой.

Эльза заняла свое, теперь свое, место на отцовском кресле, выпрямилась, стараясь смотреть гордо и величественно, но в то же время благосклонно, как подобает государю.

Распахнулась дверь, в дверном проеме возникла громадная фигура Тельрамунда. Свет померк в зале, когда он сделал первый шаг, закрывая широкой спиной светильники у двери, и многие узрели в этом недобрый знак. Сердце Эльзы

похолодело.

За Тельрамундом шумно вошли рыцари его свиты. Дерзались они вольно, бросали на окружающих дерзкие взгляды, громко смеялись и то и дело опускали ладони к рукояткам мечей. Тельрамунд прошел на середину зала, Эльза ждала, побелев как полотно, что он подойдет к ней и скажет ей что-то ужасное, однако Тельрамунд остановился, его рыцари встали за его спиной и замерли.

Когда шум стих, Тельрамунд сказал зычно тем громовым голосом, которым он созывал в разгар кровавой сечи своих людей:

– Перед всем благородным рыцарством Брабанта и Лимбурга свидетельствую!.. Именно мне по праву и долгу принадлежит трон герцогства!

По всему залу прокатился изумленный говор, но Эльза уловила в нем и то, что примерно этого рыцари и ожидали.

Перигейл, нахмурившись, спросил так же громко:

– Объяснитесь, сэр Тельрамунд, по какому праву?

Тельрамунд окинул его снисходительным взглядом.

– Если бы вас, сэр Перигейл, покойный герцог не выставлял всякий раз за двери, когда происходил важный разговор, вы бы слышали, что герцог в тот день, когда нашей милой Эльзе исполнилось пятнадцать лет, призвал меня, и мы долго говорили о ней и о герцогстве. Он хотел, чтобы я взял Эльзу в жены, но сама Эльза воспротивилась этому, и я не стал настаивать по доброте своей душевной.

Эльза вскрикнула:

– Это ложь!

Она сама чувствовала, что голос ее прозвучал одиноко и беспомощно. Возможно, вообще надо было промолчать, тем более что Тельрамунд тут же спросил гулким голосом, что разнесся по всему залу:

– Ложь? Вы очень хотели выйти за меня, но поскромничали?

Эльза ощутила, что краснеет, вот всегда она вскрикивает раньше, чем успевает тщательно уложить мысли в слова, пролепетала жалко:

– Ложь, что отец хотел выдать меня за вас!

Она видела в глазах многих рыцарей недовольство, мешает Тельрамунду высказать главное, он же пришел не затем, чтобы рассказывать, что было когда-то, и Тельрамунд, чувствуя поддержку, отмахнулся от юной герцогини, как от мухи, и продолжил голосом победителя:

– Тогда герцог, видя, что я не желаю брать Эльзу в жены против ее воли, попросил меня защищать герцогство, как я это и делал всегда, а после его смерти, что уже близка, занять трон и оставаться опорой герцогства!.. Я поклялся на мече, что сдержу слово. От себя добавлю, что милая Эльза не будет ущемлена в ее правах и останется в замке... но, вы сами понимаете, герцогством должен править мужчина... и не просто мужчина, а способный удержать власть, усмирять непокорных и защищать пределы! По желанию герцога я по-

клялся на мече, что займу трон и буду защищать Эльзу, а Эльза дала клятву, что примет мое покровительство.

Эльза замерла, чувствуя, как силы покидают ее, а в зале нарастал шум. Рыцари спорят, обсуждают, кто-то беспомощно разводит руками, кто-то кивает, кто-то явно не согласен... Господи, да неужели они могут поверить этому лжецу, но Тельрамунд выглядит уверенно, а рыцари за его спиной самодовольно улыбаются: возвышение их сюзерена возвысит их тоже.

По лицу Перигейла прочесть ничего нельзя, привык при дворе держаться невозмутимо, но по другим рыцарям видно, что Тельрамунда не хотят: груб и жесток, крестьяне в его землях стонут от поборов и налогов, ремесленники бегут, а торговцы стараются не заходить в его земли, потому Тельрамунд все необходимое чаще добывает грабежами и победными войнами. И оказаться под его тяжелой рукой никому не хочется...

С другой стороны, он поклялся на мече, а это самая святая для рыцарей клятва. Нельзя не сдержать эту клятву, нет ее нерушимей, нет ее достойней.

Один из старших рыцарей, благородный барон Канингем, повернулся к Эльзе. Его еще не старческие глаза взглянули на нее с глубоким сочувствием.

– А что скажет на это благородная госпожа Эльза?

Ей показалось, что он нарочито подчеркнул слово «госпожа», напоминая всем, ей в том числе, что на троне сейчас не

испуганная девочка, а дочь герцога и что она там по праву и будет находиться там до тех пор, пока не докажут, что это место должен занимать другой человек.

Эльза ощутила, как ее захлестывает волна благодарности к этому человеку, которого она почти не знала.

Все затихли и не отрывали от нее взоров, когда она вскочила с трона. Глаза ее метали молнии.

– Ложь! – прокричала она гневно. – Ложь!.. Как граф Тельрамунд мог... как он мог вымолвить такое, и почему Божий гнев не испепелит его на месте?

Барон Канингем спросил в тишине:

– Вы отрицаете, что ваш отец поручил это герцогство графу Тельрамунду?

– Да! – выкрикнула Эльза. – Он совсем недавно был в покоях моего батюшки и при мне клялся, что будет помогать мне усидеть на троне!.. Он клялся быть помощником, но не герцогом!

Барон Канингем повернулся к Тельрамунду.

– Граф?

Тельрамунд сдвинул плечами, заскрипело железо, и все поняли, что под роскошным камзолом графа находится стальной панцирь.

– Глупости, – ответил он небрежно. – Девчонка... то есть леди Эльза, просто нагло врет. Я еще раз поклянусь на мече... Надеюсь, вас это убедит.

Ему поднесли его меч, огромный, длинный, пугающий

своими размерами даже бывалых воинов.

Тельрамунд опустил на обнаженное лезвие ладонь, возвел очи к своду, и все слышали его громкую речь:

– Клянусь великой рыцарской клятвой перед лицом Господа, что покойный герцог завещал мне трон Брабанта! Он понимал, что только я смогу усмирить бунты и заставить трепетать противников. И я поклялся в ответ, что желаю ему долгих лет жизни, но если Господь все-таки призовет его, я займу трон и буду щитом и мечом Брабанта!

Барон Канингем снова повернулся к Эльзе, а вместе с ним все рыцари молча обратили взоры на Эльзу.

Бледная, как полотно, она вскрикнула:

– Он лжет! Он лжет!.. Как он может...

Тельрамунд сказал надменно:

– Слово известного рыцаря против слов избалованной девчонки! Что перевесит?

Эльза ухватила за горло, лицо ее начало краснеть.

– Я обращусь... – прошептала она, – к королю... Он справедлив... Король накажет...

Тельрамунд победно улыбнулся, Эльза покачнулась и рухнула без сознания. Ее подняли придворные дамы и унесли, легкую, как перышко, в ее покои. Тельрамунд проводил их насмешливым взглядом.

Рыцари переговаривались, в зале тихий гул, словно под замком в стены бьют воды Рейна, но все умолкли, когда Тельрамунд сказал грозно:

– Я сам обращусь к королю Генриху! И посмотрим, кому поверит больше.

Глава 4

Король Генрих, прозванный Птицеловом за дипломатическое умение «уловлять людей, аки птиц», остановил коня на вершине небольшого зеленого холма. Отсюда открывается вид на реку Шельду, холодные серые волны тяжело и хмуро бегут одна за другой по течению, задевая краями берега, деревья чахлые, только в одном месте высится на диво громадный дуб, неимоверно толстый, приземистый, с ветвями толщиной в ствол столетнего дуба... сколько же этому исполнину?

Сзади застучали копыта, на взмыленных конях подъехали Ричберт и Хардвульф, самые близкие к королю вельможи.

Ричберт сказал укоризненно:

– Ваше Величество, стоит ли так отрывать себя от своих людей?

– Разве мы в сарацинских песках? – спросил Генрих.

Хардвульф хмыкнул, а заговорил Маргант, старый и уравновешенный советник:

– Ваше Величество, в Брабанте неспокойно. После того как герцог Готвальд умер, его вассалы начали грызню за власть. А в таких условиях, сами понимаете, на дорогах полно разбойничающих баронов...

Генрих надменно прищурился.

– Не посмотрят, что я король?

– Ваше Величество, – сказал Маргант, – кто-то посмотрит с большим удовольствием! Как на богатую добычу, за которую можно получить большой выкуп.

Генрих промолчал, рука его взметнулась, толстый палец с золотым перстнем указал на дуб.

– Под сенью этого великана устроим привал. Велите поставить шатры, а Ричберт пусть призовет брабантских вельмож для важного разговора.

– Хорошо, Ваше Величество, – ответил Маргант с поклоном, – все сделаем. А вы можете пока насладиться соколиной охотой... Или просто погонять птичек.

Генрих кисло поморщился от привычной шуточки. Простому народу, а рыцари во многом тот же простой народ, только лучше владеющий оружием, присуще все упрощать до своего понимания, и непонятную кличку «Птицелов» предпочли истолковать, как будто ее дали страстному любителю соколиной охоты. Сами они уж точно только и делали бы, что ловили птиц да таскали баб на сеновалы.

Слуги прибыли с выючными лошадьми, на берегу реки быстро выросли три шатра: для короля и самых знатных рыцарей. Несколько воинов на легких конях, пригнувшись к холкам, унеслись вдаль, им поручено пригласить брабантских сеньоров на встречу с королем.

Можно бы остановиться в чьем-либо замке, но Генрих мудро решил не давать никому преимущества: а здесь, кстати, близко граница Тюрингии, нужно пригласить и тюринг-

ских рыцарей для важного разговора насчет судеб всего королевства.

– Дождь будет, – сказал, взглянув на небо, граф Хардвульф.

– Ты это говоришь уже третий день, – бросил Генрих.

– Но сейчас будет точно, – заявил Хардвульф. – Да это уже видно...

Генрих посмотрел на небо. В ожидании дождя солнечный свет кажется каким-то призрачным, неровным, воздух слишком жаркий и влажный, в небе все еще бегут белые облака, подсвеченные оранжевым солнцем, так они гораздо живее, но у некоторых уже появляется грозная темная каемка снизу, предвестница грозы.

И в самом деле, облачка незаметно переросли в тучки, а те, как разведчики на легких конях, мчатся впереди, намного обогнав огромную массивную тучу, угольно-черную, под тяжестью которой прогибается мироздание, грозную и в недрах которой с ворчанием вспыхивают багровые огни.

Вдали показалась быстро приближающаяся стена дождя, Генрих довольно улыбнулся: под раскинутыми далеко в стороны ветвями дуба, где укрылся его отряд, может спрятаться целое войско. Ливень надвинулся с грохотом, блеском молний и раскатистыми ударами грома, зашелестело. Дуб показался Генриху накрытым неким исполинским прозрачным колпаком: потоки воды бегут по его стенам, превращаясь в мутные ручьи, но под дубом и вокруг ствола на сотню шагов абсолютно сухо. По дереву так же деловито ползают жуки, а

бабочки летают беззаботно, уверенные, что в их мире ничего не случится.

В воздухе запахло острой свежестью, Генрих ощутил, как в усталое после долгой поездки в седле тело вливается молодая сила.

Туча уходит быстро, ливень и раскалывающие небо раскаты стихали, как-то очень резко внезапно выглянуло яркое умытое солнце, и земля внизу вспыхнула в золотом пламени.

– Хорошо, – сказал с облегчением за его спиной граф Хардвульф. – Дороги не размокнут.

– Да, – согласился Генрих, – гонцы доскачут быстро.

– Гм, – сказал граф, – я вообще-то имел в виду, что мы можем в тех вон камышах погонять кабанов...

Генрих нахмурился, слишком беспечными вельможами что-то окружил он себя в последнее время. А тучи над королевством сгущаются. Не только в Брабанте начинается некое волнение, вон в Тюрингии уже вооруженная распря, а это как раз когда на границы королевства напирает неведомая сила с жаркого Юга...

Неделю в самом деле пришлось делать вид, что страстно увлечен охотой, так и свиту занял каким-то делом и упрочил симпатии к себе, хотя никому, даже родной матери не признавался, что терпеть не может это тупейшее дурацкое занятие. Но кто из мужчин посмеет такое сказать вслух, это хуже, чем признаться, что грамотен и даже любишь читать книги.

Охота, как он считал про себя, но никогда не говорил вслух, – забава юнцов и тех взрослых мужчин, что не выросли из детского возраста. Но когда на плечах забота о целом королевстве, то преступен тот правитель, который будет отдаваться «благородному делу охоты» всерьез, а не как способу сплотить ряды дворян и укрепить к себе доброе отношение как к одному из них.

Первыми прибыли тюрингские сеньоры, но было их всего шестеро владетелей, до остальных весть еще не дошла, зато брабантцы, появившись на день позже, приехали могучим отрядом, порадовав короля статью, выправкой и великолепными доспехами, каждый из которых стоит целое состояние, что значит – при герцоге Готвальде дела шли хорошо, герцогство богатело.

Во главе брабантцев на огромном жеребце появился могучего сложения рыцарь, и когда он грузно соскочил с коня, Генрих увидел, что и на земле он ростом с иных всадников, настолько огромен. Доспехи на нем из великолепной стали, Генрих это отметил сразу, к тому же настолько толстые, что не прорубить даже боевым топором, созданным специально для того, чтобы раскалывать панцири, однако рыцарь носит их с такой легкостью, словно это полотняная рубашка.

Рыцарь приблизился и преклонил колено.

– Граф Тельрамунд, – прогудел он сильным хрипловатым голосом, и Генрих сразу узнал в нем голос полководца, который способен перекричать шум битвы и послать рыцарей в

нужное место сражения. – К вашим услугам, Ваше Величество, и в полном вашем распоряжении.

– Рад вас видеть, граф Тельрамунд, – вежливо ответил Генрих. – Это ваши люди?

– Да, – ответил Тельрамунд, поднимаясь с колен. – Храбрые и преданные Вашему Величеству рыцари.

– Очень хорошо, – ответил Генрих. Заметил или нет граф Тельрамунд, но король не случайно употребил слово «ваши», среди прибывших рыцарей только трое с баннерами графа, остальные явно не его вассалы, но если Тельрамунд согласился, что они «его», то выступает как предводитель. – Очень хорошо, граф. Располагайтесь, я прибыл по важному делу. Мне понадобится ваш совет и ваших благородных рыцарей.

– Всегда к вашим услугам, Ваше Величество, – прогудел Тельрамунд польщенно. – Наши мечи еще не заржавели.

– Спасибо, граф. Нам предстоит война с венграми, и боевая мощь брабантцев будет очень кстати.

Тельрамунд поклонился, но не отошел к своим рыцарям, голос его прозвучал так же почтительно, но теперь Генрих уловил в нем напор и дикую силу:

– Ваше Величество, у меня к вам небольшая просьба.

Генрих насторожился, чуткое ухо уловило напряжение в голосе брабантского графа, просьба явно не такая уж и маленькая, потому он кивнул и сказал как можно безразличнее:

– Говорите, граф.

Тельрамунд сказал с поклоном:

– Настолько малая, что мне неловко затруднять вас ею. Я мог бы решить все и сам, но, думаю, лучше будет ваше монаршее изволение...

– Говорите, – повторил Генрих. – Я сейчас, можно сказать, на отдыхе. Пока не придут остальные лорды. И могу заниматься даже пустяками.

– Ваше Величество, – сказал Тельрамунд, – как вы уже знаете, наш общий сюзерен, Господь, призвал к себе моего сюзерена, герцога Готвальда, так много сделавшего для Брабанта. Я был его правой рукой, и даже, когда герцог удалился от ратных дел, я мечом укреплял пределы герцогства, неустанно боролся с его врагами, бдил и повергал все попытки вторжения.

Он сделал паузу, Генрих кивнул.

– Продолжайте, граф.

– Ваше Величество, – проговорил Тельрамунд, и было видно, что произносить ему эти слова тяжело и неловко, – герцог трижды говорил, что передаст мне герцогство после кончины, а в последний день он заставил меня принести клятву на мече, что я займу трон, буду защитником герцогства и вашим вечным слугой, а также позабочусь о его дочери Эльзе.

Он замолчал, Генрих выждал, но Тельрамунд молчал, тогда король покосился на непроницаемое лицо графа Хардвульфа, спросил в недоумении:

– Так в чем вопрос?

– Ваше Величество, – произнес Тельрамунд очень неохотно, он даже отвел взгляд в сторону, – после смерти герцога его дочь Эльза неожиданно заявила, что трон принадлежит по праву ей. И что она его не уступит. Я не хочу воевать с женщиной, Ваше Величество, что бы о моей жестокости ни говорили. Я лучше уступлю ей трон, чем запятнаю свое имя...

Генрих произнес с раздражением:

– Полноте, граф! Вы прекрасно понимаете, что слабая девушка не в состоянии править герцогством.

Тельрамунд развел руками.

– Но я не могу воевать с женщиной, Ваше Величество. Я рыцарь...

Граф Хардвульф наконец сказал:

– Простите, что вмешиваюсь, но здесь, думаю, все понятно. Соберите тех благородных рыцарей, что приехали с вами, а Его Величество в их присутствии скажет, что трон Бранбанта принадлежит вам. Только и всего.

Генрих кивнул.

– Да, граф Хардвульф сказал все предельно ясно. Но я хотел бы сперва выслушать и эту... дочь покойного герцога, чтобы услышать и ее слова. Да не скажет кто-то, что я принимаю решения, не выслушав и другую сторону. Граф Хардвульф, немедленно отправьте в замок... какой там замок?

Тельрамунд поклонился.

– Замок Анвер, Ваше Величество.

– В замок Анвер, – закончил король, – гонца. Пусть передаст леди Эльзе просьбу прибыть к королю.

Граф Хардвульф поклонился.

– Все исполню в точности, Ваше Величество.

– Да уж постарайся не перепутать, – сказал Генрих язвительно. – Идите, доблестный Тельрамунд. Я не сомневаюсь, что спор будет решен в вашу пользу. Брабанту нужна сильная рука! Не скоро настанут времена, когда миром будут править законы, чтобы на престоле смогла усидеть и хрупкая девушка, пусть даже обладающая мудростью самого Соломона.

Глава 5

В течение суток из Брабанта, Тюрингии и Лимбурга прибывали могущественные лорды и знатнейшие рыцари. Король подробно рассказывал о новой угрозе, что надвигается с востока, где дикие язычники венгры, именуемые также мадьярами и уграми, собирают могучую боеспособную армию.

Они уже разорили несколько княжеств, почти не получив отпора, и если не выставить им навстречу настоящее объединенное рыцарское войско, то вся Европа превратится в сплошное пожарище.

А на следующие сутки примчался гонец, что был отправлен в замок Анвер. Он не выглядел сильно усталым или запыленным, но озадаченный Генрих не успел ничего спросить, в лагерь въехали новые рыцари: во главе немолодой ветеран, достаточно крупный, но сухой и жилистый, лицо суровое, но моментально озарилось отеческой заботой, когда повернул голову и взглянул на повозку, следующую за ним.

Запряженная двумя лошадьми, она выглядит пустой, с такой легкостью катит по кочкам, подпрыгивая и качаясь с боку на бок. Возница натянул поводья, кони захрапели и остановились.

Гонец подбежал к королю и с разбега припал на колено.
– Ваше Величество, Эльза Брабантская!

– Догадываюсь, – пробормотал Генрих.

К нему подошли и встали справа и слева граф Маргант, граф Хардвульф и граф Ричберт, а следом и другие приближенные. Все с ожиданием смотрели на прибывших.

Ветеран, он же командир группы, покинул седло первым, подошел к повозке и распахнул дверцу. В глубине показалась закутанная в синий плащ и с низко надвинутым на глаза капюшоном фигура.

Предводитель отряда протянул к ней руки. Она доверчиво соскользнула к нему, он ухватил ее на вытянутые руки и бережно поставил на землю.

Рыцари спешили, переговариваясь и с любопытством посматривая на иначе одетых придворных короля и тюрингских баронов, а ветеран взял женщину за руку и повел к королю.

Генрих с любопытством смотрел, как он приблизился и с легкостью преклонил колено.

– Ваше Величество, – произнес он сильным голосом воина, в котором слышались твердость и верность слову, во всяком случае, так определил король, успевший навидаться людей всяких и разных, – сэр Перигейл, начальник дворцовой охраны герцога Готвальда, а теперь его дочери, герцогини Эльзы, в вашем распоряжении.

Генрих кивнул, и сэр Перигейл поднялся так же легко, как и опустился, женщина отбросила капюшон на спину.

– Ваше Величество... Эльза Брабантская! – представил ее

Перигейл.

Генрих впервые не нашелся, что сказать, а только смотрел на это чудесное видение. От Эльзы, казалось, идет чистый свет, вокруг нее распространялся аромат невинности и чистоты, а когда она подошла ближе и присела в поклоне перед королем, он взглянул в ее светлые глаза и почувствовал, как язык примерз к нёбу.

Наконец жестом велел ей подняться, с трудом прочистил горло и произнес:

– Как удивительно быстро вы добрались...

Эльза сказала живо:

– Ваше Величество, что вы! Я выехала сразу, как только узнала, что вы прибыли и разбили шатры у Дуба Правосудия! А вашего гонца мы встретили на полпути.

Генрих перевел взгляд на гонца, тот кивнул, но и без этого было ясно, что не могла она за сутки одолеть расстояние в неделю пути.

– Я рад, – произнес он, стараясь, чтобы голос звучал дружески-нейтрально, – что вы так торопились поприветствовать вашего сюзерена. Вы прибыли очень кстати, милая Эльза.

– Спасибо, Ваше Величество!

Он продолжил ровным голосом:

– Я сам послал за вами.

– Ваше Величество?

Он объяснил, чувствуя отвращение к себе, что вынужден

такое говорить:

– На вас поступила жалоба от графа Тельрамунда.

Она вздрогнула, в глазах мелькнул испуг.

– Он, – прошептала она, – подал жалобу? Я не думала, что решится на такую низость.

Король заставил себя отвести взгляд от ее лица, голос его прозвучал несколько неестественно, однако все присутствующие слышали в нем монаршую волю:

– Отдохните с дороги, милая Эльза. Завтра утром я призову вас с графом на свой суд. Нужно, чтобы в присутствии знатнейших и благороднейших рыцарей вы оба изложили свои жалобы и претензии. Я буду разбираться хоть и сам, но рыцари смогут наблюдать и не позволят мне сойти с дороги справедливости.

Она поклонилась, взгляд ее прояснился.

– Надеюсь на ваше заступничество, Ваше Величество, – прошептала она. – И справедливый суд.

Граф Маргант долго смотрел ей вслед, Генриху показалось, что старый друг сбросил лет двадцать и теперь выглядит как пылкий юноша. Да и сам чувствовал себя так, будто на душе посветлело, хотя, если подумать, должен чувствовать себя как раз гадко.

– Ну что? – спросил граф после паузы.

– Ты о чем?

– Ах, Генрих, не увиливай! Что теперь скажешь?

– По делу Тельрамунда?

– Ну да, – сказал граф с сарказмом, – а кого еще? Я вижу, что теперь тебе очень не хочется касаться этого вопроса, но ты ведь король, это я могу увильнуть, но не ты!

Генрих вздохнул, плечи его согнулись, словно навалилась незримая тяжесть.

– Да, ты прав. Мне не увильнуть.

– И что решишь?

Генрих ответил раздраженно:

– А что я могу? Я тоже не свободен! Более того, самые несвободные люди на свете – это короли! Только простолюдины вольны в своих решениях и поступках... Ты знаешь, что я скажу.

Граф Маргант сказал тихо:

– Знаю. Просто хотел убедиться.

– В чем?

– Что мы достаточные сволочи, чтобы быть хорошими политиками... и угодить за это на самое дно ада.

Генрих прорычал:

– Перестань. Ты сам знаешь, что и как надо.

– Знаю, – грустно сказал Маргант. – Но разве кто-то может сказать, что это чистое создание лжет?

Генрих повторил устало:

– Перестань. Я тоже не сомневаюсь, что она скажет правду. Теперь я не верю, что герцог Готвальд передал трон Тельрамунду. Такие, как это существо, не лгут, они просто не умеют лгать.

Маргант сказал тихо:

– Ты прав. Они, как неземные птицы, созданы для рая, но по недоразумению попали на эту грешную землю.

– Здесь они долго не живут, – буркнул Генрих с тоской, – увы... Но ты знаешь, я должен собрать хорошее войско для встречного похода на венгров! А еще оставить здесь надежный тыл. Для небесных птичек нет места в жестоком мире, где постоянно звенят мечи и льется кровь.

На следующее утро Эльза в сопровождении верного Перигейла и трех дам благородного происхождения вышла из своего шатра. Под самым дубом уже толпятся рыцари, она сразу узнала по горностаевой мантии короля: для него соорудили нечто вроде трона, справа и слева уже стоят знатнейшие из знатнейших, а со стороны огромного шатра с уродливым мрачным гербом со вставшим на дыбы медведем идет такой же огромный, как властелин леса, Тельрамунд.

За Тельрамундом двигается толпа рыцарей, все разодеты с предельной пышностью, являя богатства свои, а тем самым и своего сюзерена, все в прекрасных доспехах, дабы король увидел в них бывалых воинов, и все, приблизившись к трону, разом преклонили колена. Тельрамунд, поднявшись, сказал громким голосом:

– Dank, Konig, dir, dab du zu richten kamst! – послушал, как зашумели тюрингцы, у них другой диалект, повторил на общегерманском: – Я рад, король, что ты пришел судить. Ва-

ше Величество, перед лицом всех рыцарей: тюрингцев и брабантцев, а также доблестных и благородных сеньоров, прибывших с вами, — я заявляю права на трон Брабанта! И как ближайший родственник герцога Готвальда по мужской линии, и как человек, которому герцог поручил Брабант!

Генрих бросил короткий взгляд на приблизившуюся Эльзу. По его лицу пробежала тень, он спросил коротко:

— Готов ли ты принести клятву, что покойный герцог поручил Брабант именно тебе?

Тельрамунд сказал громко:

— Да!

Король кивнул.

— В присутствии рыцарства поклянись на мече. И если клятва твоя будет ложной, да будешь ты изгнан из благородного рыцарского общества, щит твой перевернут, а затем растоптан.

Тельрамунд медленно вытащил из ножен огромный меч, среди рыцарей пронесся уважительный шепот, мало кто из них поднимет такой и двумя руками, но Тельрамунд легко взял его на вытянутые руки, показал во всей красе, потом его толстые губы коснулись обнаженного лезвия.

— Клянусь, — сказал он громко, — великой рыцарской клятвой! Герцог передал трон мне.

Эльза стояла, бледная и трепещущая, уговаривала себя держаться, не упасть в обморок. Девушки поддерживали ее, обмахивали платочками.

Король обратился на нее пытливый взор.

– Эльза, – голос его был полон печали и непривычной ему самому нежности, – ты слышала, что сказал граф Тельрамунд?

Она выпрямилась и, хотя губы трясутся и подбородок дрожит от обиды, произнесла достаточно твердо:

– Это ложь! Мой отец взял с него клятву при мне. Граф Тельрамунд клялся, что я буду на троне, а он станет опорой трона и его защитником!

Король повернул голову к Тельрамунду. Тот ответил с надменной горечью:

– Мне стыдно тягаться с женщиной, но, что делать, она лжет.

Эльза вскрикнула:

– Призываю Господа в свидетели!..

– Я тоже, – сказал Тельрамунд.

Из толпы рыцарей, что стояли за спиной Тельрамунда, закричали:

– Он поклялся на мече!

– Что может быть выше рыцарской клятвы?

– Наш сюзерен говорит правду!

– Чему еще верить, как не клятве на мече?

Генрих перехватил иронический взгляд графа Марганта, нахмурился, некоторое время слушал выкрики, что становятся все громче, настойчивее и жестче. Эльза стоит бледная, трепещущая, с высоко вскинутой головой, и король по-

нял, что она старается не выронить слезы.

Он вскинул руку, шум начал стихать. Когда утихли последние выкрики, он сказал веско:

– Что делать, оба вы основываете свои доводы на клятве перед Богом. Тогда пусть Господь вас и рассудит. Я смиренно уступаю место судьи Божьему слову и решению. Вы согласны, граф Тельрамунд?

Тельрамунд выпрямился, мрачное лицо просветлело. Генриху показалось, что сейчас, как огромный медведь, пустится в неуклюжий пляс.

Лицо сэра Перигейла, как сразу заметил король, помрачнело, а Тельрамунд прогудел поспешно:

– Да, Ваше Величество, да! Божий суд – лучший из судов...

Король поморщился, повернулся к Эльзе:

– А вы согласны, милая Эльза?

Эльза окаменела, в лице ни кровинки, с трудом заставила себя кивнуть и прошептала:

– Да, Ваше Величество. Пусть Господь нас рассудит.

– Хорошо, – сказал Генрих. – Назовите рыцаря, который вступится за вашу честь.

Эльза даже не стала обводить взглядом рыцарей, чтобы не видеть, как они станут опускать головы. Кто-то в самом деле верит, что Тельрамунд не врет, раз поклялся на мече, нерушимой клятвой рыцарей, но остальные, кто верит в ее правоту, все равно не выступят в ее защиту, ибо нет ни в

Брабанте, ни в Тюрингии, ни во всем Германском королевстве воина, равного графу Тельрамунду по силе и воинскому умению. Кто бы ни выступил в ее защиту, будет повергнут и опозорен, а ее честь все равно не спасет.

– Ваше Величество, – сказала она тихо и с таким глубоким убеждением в голосе, что рыцари притихли, – я верю, что Господь видит правду и покарает виновного. Потому прошу вас объявить, что я ищу защитника... и дать на это три дня.

Рыцари молчали, Генрих сказал поспешно:

– Да-да, дитя мое, все будет так, как ты говоришь! Герольды сейчас же объявят, что ты ищешь защитника для поединка в Божьем суде, а я даю на его поиск не три дня, а неделю!

Эльза поклонилась.

– Спасибо, Ваше Величество.

– Надеюсь, – сказал Генрих неуклюже, – что ты найдешь достойного рыцаря.

– Einsam in truben Tagen, – ответила Эльза и сама перевела на общегерманский: – Помню, как молилась, тяжело скорбя душой. И был мне вещий сон... явился рыцарь в блестящих доспехах.

– На белом коне? – спросил Генрих печально.

Эльза ответила тихо:

– Не помню, но душу мою охватила неземная радость. Я верю, Господь не оставит сироту и пошлет защитника!

– Я тоже надеюсь на это, – сказал Генрих. Он внезапно ощутил себя усталым и очень старым, кивнул: – Иди, дитя

мое. Пусть Господь тебе поможет.

Когда она ушла в сопровождении своих девиц, граф Маргант сказал тихонько язвительным шепотом:

– Совесть свою тешишь? Неделью вместо трех дней... как будто это спасет бедняжку.

– Знаю, – ответил Генрих тем же злым шепотом, – но хоть какую-то малость сделать для нее.

Граф Ричберт посмотрел на одного, на другого, наморщил лоб, стараясь понять старших по возрасту, намного более старших, наконец спросил тихонько:

– Ваше Величество, вы что, ей верите?

Генрих вздохнул, провел ладонью по лицу, словно смахивая невидимую паутину.

– А ты? – спросил он вдруг.

Граф смешался, открыл рот и закрыл, потом, озлившись, сказал почти рассерженно:

– А это при чем?

– Но ты же меня спросил?

– Так я ж спросил короля!

Генрих вздохнул еще тяжелее, плечи его поникли.

– Ты еще молод, но уже понимаешь, что ответит король. Что он должен, обязан ответить! Но ты не уточнил, спрашиваешь ли у короля. Если как человек, то да, верю полностью. Разве сам не видишь, такая чистая душа не может лгать!

Ричберт пробурчал, отводя глаза:

– Вижу. Но вижу и то, что ее претензии на трон... нежиз-

ненны.

– Взрослеешь, – произнес король невесело.

Глава 6

Король молчал, граф бросил на него короткий взгляд и замолчал тоже. И так удивительно, как на короля подействовала чистая неземная красота Эльзы, что он на минуту ощутил себя не королем, а человеком, у которого есть душа и чувство справедливости. Обычно же он всегда оставался королем.

– Взрослеешь, – повторил наконец король с грустью, – и так быстро... Возможно, к старости станешь такой мудрой сволочью, что сможешь всем давать только правильные советы.

Граф Ричберт вспыхнул до корней волос, даже кончики ушей запылали ярко-красным.

– Ваше Величество!

Генрих отмахнулся:

– Я же стал?.. А какая чистейшая душа была в детстве!..

Граф Маргант задумчиво смотрел в сторону стана брабантцев, где выделяется размерами шатер Тельрамунда. Там уже врыт столб, на нем щит, и всякий, кто желает вызвать Тельрамунда на поединок, может ударить в его щит копьём.

– Я думаю, – проговорил он, – у брабантцев появилась достойная замена покойному герцогу. Я слышал, граф Тельрамунд победил больше чем в ста пятидесяти сражениях... Думал, врут, но сейчас посмотрел на эту закованную в же-

лезо башню, гм... За таким охотно пойдут даже самые робкие. Граф лично проломит любую оборону, разобьет щиты и опрокинет коней, а остальным останется только врываться в пролом и завершать победу.

Генрих кивнул:

– Ты прав, нам именно такой и нужен. Венгры – серьезные противники. Хотя, конечно, как все кочевники, они стараются нападать на легких конях, осыпать градом стрел и удирать. Но их легкие стрелы бесполезны против наших доспехов, так что где-то им придется встретиться с нашими рыцарями лицом к лицу.

– Придется, – согласился граф. – Они уже осели в центре славянских земель и по их примеру начали строить города. Так что либо мы сожжем все города, либо венгры примут бой, защищая их. Вот тут сила таких рыцарей, как Тельрамунд, будет неоценима.

Граф Ричберт сказал горько:

– Значит, эту прекрасную чистую душу... дочь герцога Готвальда... принесем в жертву?

Генрих промолчал, а Маргант пробормотал:

– Дорогой Ричберт, вы задали очень трудный вопрос, но, надеюсь, Его Величество сейчас соберется с духом...

Генрих бросил раздраженно:

– Можешь сказать и ты!

– Я, к счастью, не король, – ответил Маргант. – Я вообще не поднимаю эту тяжесть... грехов.

Генрих бросил короткий взгляд на юного графа, тот смотрит чистыми преданными глазами, поморщился.

– Когда-то, – сказал он очень медленно, – мой учитель, с восторгом рассказывая про основы римского права, привел фразу: «Да свершится правосудие, пусть даже погибнет мир!», которой якобы придерживались не только римские юристы, но даже императоры. На что я ответил, что теперь мне понятно, почему Римская империя рухнула. После этого я вообще удалил такого наставника от двора. Хорошо бы вообще его послать к нашим противникам, пусть там такому учит...

Ричберт быстро взглянул на Марганта, однако тот опустил седую голову, вид невеселый, по всему видно, что согласен с Его Величеством.

– Но почему? – вскрикнул он.

– Мир жесток, – отрезал король мрачно, – в нем выживает сильный, как бы и что ни говорили проповедники прекрасного и светлого! И кому нужно правосудие, если оно погубит мир? Эта фраза хороша как утешение, что, дескать, перед законом все равны... Увы, так только в Божьем Граде, что на небесах, отражение которого церковь стремится построить на земле.

– Следовательно, – спросил Ричберт отчаянным голосом, – трон герцога достанется графу Тельрамунду?

Генрих недовольно поморщился.

– А ты что хотел?

– Ну, Ваше Величество...

– Нет-нет, – потребовал король, – ты не опускай глазки. Чтобы я оставил его за Эльзой? Тельрамунд все равно захватит, если не найдется в Брабанте кто-то посильнее, в чем я сильно сомневаюсь. Эльзу в распрях убьют, если не захватят в наложницы, Брабант надолго потонет в кровавых распрях, распаханые пашни зарастут сорной травой, потом его захватят соседи... Хорошо, если захапает родственная Тюрингия, а если вторгнутся в обескровленные и обезлюдевшие земли дикие венгры?

Ричберт мгновенно выпрямился, глаза полыхнули гневом.

– А по мне, уж лучше венгры, чем Тюрингия!

Генрих невесело усмехнулся.

– Вот-вот, соседей всегда ненавидим больше. Сильнее ненавидим разве что родню! Как подумаю, какие из нас христиане... дрожь берет. Но я король, дорогой Ричберт. И для меня Тюрингия, которая так часто строила козни мне, все же ближе, чем дикие косматые венгры, которые мне ничего плохого еще не сделали... Ибо мы – христиане, мы один народ. И я буду делать так, как велит разум, а не чувства. И если дорога справедливости ведет к кровопролитной войне, я допущу несправедливый поступок... да-да, закрою на него глаза, если после этого в королевстве воцарится мир и спокойствие!

За неделю на берегу Шельды вырос настоящий городок, а ночью казалось, что уже пришло огромное войско диких венгров: костров видимо-невидимо, возле всех спят или сидят люди, что прослышали о предстоящем Божьем суде и явились, как на яркое и прекрасное зрелище, где Господь явит свою волю.

Помимо рыцарей и богатых горожан, из ближайших городов явились даже зажиточные ремесленники, некоторые с семьями, прибыли торговцы, что тут же поставили походные лавки с товаром, а группа бродячих артистов начала беспрерывно давать представления.

Последний день недели выдался хмурый, плотные серые тучи закрыли небо. Плотники изготовили длинный помост с навесом, под которым король и его наиболее высокие особы могут укрыться как от непогоды, так и от солнца. Граф Хардвульф велел большой участок перед помостом обгородить брошенными на землю бревнами, это для того, чтобы поединщики не гонялись друг за другом по бескрайнему Брабанту, а схватка происходила перед глазами короля и гостей, что не хотят ничего упустить из зрелища.

Граф Маргант, бледный и невыспавшийся, сел рядом с королем, пожаловался, что отвык от походной жизни, в его возрасте пора сидеть перед камином в мягком кресле и с толстым теплым пледом, укрывающим ноги.

– Ты не старше меня, – укорил Генрих.

– Ты король, – огрызнулся Маргант, – ты обязан!

– Все мы обязаны, – ответил Генрих с грустью.

Маргант зябко повел плечами.

– Сыро и мерзко... А еще этот Божий суд... Какая профанация Божьего имени!

Генрих нахмурился.

– А что тебе не так?

Маргант огрызнулся:

– Ты так говоришь, будто веришь, что слабый может победить того, кто вдвое сильнее... пусть даже с Божьей помощью?

– Ты отрицаешь помощь Господа Бога? – спросил Генрих тихо.

Граф тоже оглянулся по сторонам и ответил тихо:

– Ваше Величество, Господу делать больше нечего, чем вникать в наши мелочные тяжбы и ломать голову, кому и как помочь! Конечно же, сильный победит слабого, как бы тот ни был прав. А когда это прикрывается именем Господа, мне просто стыдно.

Генрих сказал успокаивающе:

– Ты слишком много времени провел послом в Риме. Теперь поживи среди германцев, здесь нравы более простые.

– В смысле дикие?

– Дикие, – согласился Генрих, – суровые, неотесанные, жестокие, грубые, как ни назови – будешь прав. Но это наша страна, это наш народ. А насчет Божьего суда ты не совсем прав.

Маргант чуть отстранился от него, посмотрел пристально.

– Ну-ну, в чем?

Генрих сказал тихо:

– Во-первых, я практически всегда решаю либо сам, либо с помощью совета. Да ты и сам это мог увидеть, не прикидывайся лавкой, на которой сидишь. Божий суд – это редчайший случай, к нему прибегают, когда доводы сторон равно весомы, доказательств нет как нет, кроме слова чести... в то же время конфликт нужно разрешить как можно быстрее.

Маргант сказал с брезгливым раздражением:

– Это все мимо.

– Почему?

– Я говорил о том, – сказал граф, – что победит сильнейший, а не правый.

Генрих спросил с расстановкой:

– А кто тебе сказал, что правым не может оказаться сильнейший?

– Граф Тельрамунд победит в любом случае, – возразил Маргант, – и неважно, прав он или не прав! Я уже спрашивал о нем... Никто не знает рыцаря в здешних землях, столь же громадного и умелого в воинском искусстве! Он не только хорош как полководец, он всегда первым врывается в ряды противника, дерется один против дюжины! О нем всегда говорят со страхом и восторгом!

Генрих вздохнул.

– Суть Божьего суда в том, что слух о нем распространя-

ется по городам и весям. А люди лучше нас с тобой знают, кто прав, кто не прав. И если неправда велика, то всегда найдется защитник...

– И выступит против графа Тельрамунда? – хмыкнул Маргант.

Генрих развел руками.

– Да, граф чудовищно силен. Но посмотри трезво. Все видят графа и могут прикинуть свои шансы, а он своего противника не знает. Это первое. Второе – это проверка общества и на высмеиваемую в последнее время нравственность. Выступить в защиту справедливости... гм... В старое доброе время всегда не было отбоя от желающих вступить за правду. Посмотрим, найдется ли сейчас хоть один...

– ...безголовый, – буркнул граф.

– Называй как хочешь, – уступил король. – Да, он будет повергнут, граф Тельрамунд займет трон, но, повторяю, Божий суд вовсе не глупая затея. Напротив, это настолько мудро, что не всякий умник, закончивший богословскую академию, поймет...

Граф Маргант промолчал, лицо стало озадаченным, а король бросил взгляд на поле для поединка.

– Видишь, – сказал он тихонько, – я же говорил, наш народ пока что не погряз в безнравственности!

Маргант буркнул:

– Слова есть только слова.

– А взгляни на поле, – предложил король. – И на всех, кто

пришел. Никто не сомневается, что вызов графу Тельрамунду брошен будет обязательно.

– Знаю, – буркнул Маргант. – Я уже слышал, что барон Матвильд Аквитанец намерен выйти против него, если не появится кто-то еще, виконт Ирмингер, рыцари из вашей свиты хотели бы, но опасаются вашего гнева... Граф Ричберт уже облачился в боевые доспехи...

– Пусть не опасаются, – сказал Генрих быстро, – но мне жаль, если кто-то из них погибнет. Я слышал, граф Тельрамунд не раз рассекал противника от макушки и до пояса, хотя те были в полных рыцарских доспехах!

– Тельрамунд силен просто чудовищно, – подтвердил Маргант, – но то, что столько народу готовы выступить в защиту невинной девы... гм... в самом деле говорит о нравственном здоровье нашего народа! Однако...

Генрих нахмурился.

– Что?

– Однако, – закончил Маргант, – во времена нашей молодости вообще не дошло бы до такого. Мы были чище!

– И снег был белее, – согласился Генрих. – Эх, где твоя мудрость?

Маргант пробормотал со вздохом:

– Знаю-знаю, мудрее промолчать, видя несправедливость.

В голосе старого друга Генрих уловил издевку, нахмурился, потому что нравственность, которую насаждает церковь, нравственностью, а жизнь жизнью. Победу все равно нужно

отдавать Тельрамунду. Он солгал, это видно, да и не слишком уж и скрывает: крупный сеньор, под рукой множество вассалов, прекрасно понимает, что если все делать «по совести», любое хозяйство рухнет. И понимает, что король тоже поступает не «по совести», а так, как надо.

Глава 7

Для знатных рыцарей плотники постарались и устроили деревянные лавки, народ попроще сидит на земле или стоит тесной толпой по ту сторону бревен. Генрих подумал, что не зря граф Маргант велел отметить такое широкое поле для схватки, иначе любопытствующий народ сжал бы их так, что и мечом не взмахнуть.

Протрубили трубы, Генрих нахмурился: кто смеет трубить без его позволения? Все рыцари повернулись и смотрят, как в их сторону галопом несется целый кортеж.

Рыцари в полных доспехах и на богато украшенных конях сопровождают удивительную всадницу в ярко-пурпурном платье, в седле она держится по-мужски, не перебрasyвая ноги по-женски в одну сторону, лошадыю управляет красиво и уверенно.

Тельрамунд подошел к ней и подал руку. Она легко соскочила на землю, даже не опираясь на его колено, повернулась к собравшимся и приветливо улыбнулась, и все увидели, что она рослая, с идеально прямой спиной и высокой полной грудью, хотя стан ее можно обхватить ладонями, и пальцы сомкнутся, ослепительно-красивая, как бывает прекрасна молодая и опасная львица, ее высокая прическа иссиня-черных волос перевита лентами такого же багрового цвета, как и платье, и если их распустишь, волосы рухнут тяже-

лыми волнами и укроют ее тело до пояса.

Тельрамунд подвел жгучую красавицу к королевской ложе.

– Ваше Величество, – произнес он церемонно. – Я имею великую честь представить вам свою супругу, дочь фризского герцога, благородную Ортруду.

Женщина присела перед королем, склонив голову, он невольно задержал взгляд на ее пышной и нежной груди, все еще чистой и девственной с виду, хотя она уже дала Тельрамунду двух сыновей.

– Приветствую вас, леди Ортруда, – сказал он приветливо. – У нас здесь места достаточно, поднимайтесь к нам!..

Маргант, сразу сбросив два-три десятка лет, добавил помолодевшим голосом:

– А если места не отыщется, кого-нибудь сгоним!

Ортруда подняла голову, улыбнулась, губы полные и сочные, ярко-красные, словно только что растерзала и съела кролика, глаза крупные и чуть нависают, их еще называют бесстыжими, в очертаниях лица чувствуется сила и дерзость, и хотя всеобщим расположением пользуются девы кроткие и целомудренные, с золотыми волосами и ясным взором, Генрих ощутил, что не может оторвать взгляда от ее темных, как лесные болота, загадочных глаз.

Он поднялся, подал ей руку и сам проводил на галерею, где и усадил за два места от себя. Был соблазн посадить рядом, но это может вызвать недоумение у приближенных, а

короли никогда не должны терять голову и никогда не делают то, что хочется, а только то, что надо.

От Ортруды струится некий аромат, тонкий и неуловимый, что будит чувственность и разгоняет кровь, вон даже граф Маргант выпрямляет спину и раздвигает плечи, старый боевой конь...

Генрих кивком подозвал герольда и сказал, преодолевая себя:

– Пригласи леди Эльзу.

Герольд ответил счастливо:

– Ваше Величество!

И умчался, только ветерок погнался следом. Хоть на него не действовали чары этой прекрасной ведьмы, подумал Генрих с неловкостью.

Эльза все еще стоит со своими девицами, те прибыли в той же повозке, но смиренно вышли позже, видно было, как герольд подбежал, коротко поклонился и что-то бурно рассказывает ей, слишком часто размахивая руками, молодой еще, не научился величавым и сдержанно-многозначительным жестам.

Король видел, как Эльза вздрогнула, ее взгляд метнулся в ту сторону галереи, где царственно сидит, расточая улыбки, жена Тельрамунда, уверенная и властная, словно королева.

Могла бы стать и королевой, мелькнуло у Генриха. Красивая, властная, очень неглупая, это видно, амбициозная, тоже понятно с первого взгляда, такая поддерживает мужа во всех

начинаниях и толкает вверх по лестнице титулов, стараясь обеспечить подрастающим детям получше положение в обществе, дать больше земель и владений...

Эльза пошла вслед за герольдом, Генрих видел, что для этого ей пришлось пересилить себя, но держится с достоинством, хотя и смертельно побледнела, идет с трагически расширенными глазами.

Солнце пробилось сквозь тучи и заиграло в ее волосах, сразу наполнив их радостным золотым светом.

Генрих поднялся, сошел вниз и, взяв ее за руку, повел наверх, стараясь не встречаться взглядом с Ортрудой.

Граф Маргант, словно чувствуя вину, вскочил и как бы помог усадить Эльзу. Место ей выбрали справа от короля на строго таком же расстоянии, как и разместили Ортуду.

Граф Хардвульф, изнывая от неловкости и постоянно кланяясь, проговорил сдавленным голосом:

– Леди... Если вам что понадобится... только скажите!

– Спасибо, – произнесла Эльза чистым, как горный ручеек, голосом, – вы очень добры...

Они вернулись на свои места, король опустился на тронное кресло и повертел головой.

– А где граф Ричберт?

– Там, – ответил граф Хардвульф хмуро, – теперь мне будет всю жизнь стыдно.

Генрих проследил за его взглядом. Граф Ричберт, уже облачившись в полные доспехи, только шлем в руках оруже-

носса, стоит в группе рыцарей, из которых трое тоже в доспехах, с мечами и в явной готовности к бою.

– Не надо стыдиться, – сказал Генрих, – Тельрамунд победит. А твой друг может лишиться головы.

– Дело не в самой победе, – ответил Хардвульф несчастным голосом, – а в том, что он выступил на защиту, а я нет...

– Ты умнее, – сказал Генрих. – Ты понимаешь, что твой поступок ничего бы не изменил.

– И Ричберт понимает!

– Понимает, – согласился Генрих. – Но не может с этим смириться. И потому ему не стать... скажем, канцлером. Слишком благородные люди не могут править!

Хардвульф пробормотал:

– Ваше Величество, вы меня этими словами прямо в дерьмо втоптали. С головой.

Подошел граф Маргант, тяжело вздохнул.

– Взгляните на Ричберта... Надеюсь, Тельрамунд понимает, как именно ему нужно победить.

Хардвульф сказал с тоской:

– Хотя вы меня в дерьмо не затаптывайте!

Он отошел, очень сердитый, и плюхнулся на свободное место. Маргант посмотрел на него в удивлении, спросил у Генриха:

– Что это с ним?

– Он по возрасту посредине между вами, – пояснил король, – и Ричбертом.

Маргант нахмурился.

– Хотите сказать, что я совсем бессовестный?

Король сказал с досадой:

– Хотя вы не начинайте, мой старый друг. Смотрите, уже все готовы. Похоже, пора подавать сигнал...

Герольд оглянулся на короля, Генрих взмахнул рукой. Длинная труба с подвешенным королевским штандартом взвилась к небу, тишину разорвали прекрасные серебряные звуки.

Оторвав трубу от губ, герольд перевел дух и прокричал:

– Божий суд!.. Вызывается граф Тельрамунд...

Все обернулись в сторону шатра, стоявшего поодаль. Полог отлетел в сторону, его придержала услужливая рука пажа.

Наружу шагнул огромный рыцарь в темных доспехах, похожий на блестящую скалу из застывшей черной смолы. В полных рыцарских доспехах он казался вообще не человеком, а великаном.

Земля загудела под его тяжелыми шагами, он подошел к огороженной площадке, толпа в страхе распахнулась перед ним, как камыш перед бегущим вепрем.

Тельрамунд остановился, повернувшись лицом к королю.

– Ваше Величество, я готов мечом доказать свою правоту.

Генрих ничего не ответил, герольд уловил его кивок, труба снова поднялась раструбом к низкому серому небу.

Прозвучал серебряный призыв, а после паузы герольд вы-

крикнул звонко:

– Вызывается защитник леди Эльзы!

Наступила звенящая тишина, люди осторожно оглядывались, но из рыцарей никто не выступил, хотя несколько человек в доспехах обнажили мечи. Герольд выдержал паузу дольше, чем обычно, Генрих подумал невольно, что и этот парень сочувствует бедной девушке, чья участь уже решена, и хотя и знает, чем все кончится, но оттягивает неизбежный финал.

Труба прозвучала снова, герольд повернулся на восток, прокричал снова:

– Вызывается защитник леди Эльзы!

В тишине никто не шевельнулся, Генрих покосился на смертельно бледное лицо Эльзы, дочь герцога держится с удивительным достоинством, хотя, конечно, понимает, что ее дело проиграно.

Герольд повернулся на юг, протрубил и в третий раз выкрикнул:

– Вызывается защитник леди Эльзы!

На этот раз несколько рыцарей, что облачились в полные доспехи для жестокой схватки, сдвинулись с места и, расталкивая толпу, начали продвигаться к границе бойцовой площадки. Лица их были угрюмы, и можно было прочесть по ним, как в открытых книгах, что против Тельрамунда не устоят, однако нечто более сильное, чем страх поражения, толкает их выйти на поле и обнажить мечи в защиту женской

чести.

Генрих покосился в сторону Ортруды, она чуть подалась вперед, лицо покраснелось, глаза блестят, высокая грудь взволнованно вздымается, как волны моря в прилив, и трудно оторвать от нее зачарованный взгляд.

Маргант проследил за взглядом короля, тяжело вздохнул.

– Час триумфа...

– Еще бы, – пробормотал Генрих, – от ударов меча ее мужа зависит будущее ее детей...

Маргант буркнул:

– А о нем самом не заботится?

– Настоящая женщина прежде всего думает о детях, – напомнил король. – Ради них пойдет и на преступление. А муж... что муж? Он лишь для того, чтобы дать детей и мечом добыть для них земли, титулы, богатства...

В четвертый, последний раз протрубил герольд и выкрикнул изо всей силы:

– Вызывается защитник благородной леди Эльзы!.. Кто обнажит меч в ее защиту?

Сразу несколько рыцарей с разных концов площадки переступили бревна, отгораживающие зрителей, но в этот момент тучи внезапно и резко разошлись, открывая беспощадно синее небо, яркий солнечный свет пал на реку. Словно из первозданного света выплыла легкая лодка, ее тащит крупный белый лебедь, выпятив широкую грудь и явно гордясь своей работой.

В лодке во весь рост высокий молодой рыцарь в сверкающих белых, как крылья ангела, доспехах. На локте левой руки нормандский щит, правая рука на рукояти меча, ножны украшены накладками из золота в виде листьев с острыми кончиками.

Лебедь подвез лодку к берегу, рыцарь легко выпрыгнул. Все слышали, как он что-то сказал лебедю, тот развернулся и потащил лодочку обратно.

Рыцарь направился к трибунам, все в благоговейном трепете смотрели на него и не находили слов. Высокого роста, прекрасно сложенный, доспехи белые и сверкающие, как солнце, золотые волосы рыцаря свободно падают на плечи, глаза настолько невероятно синие, что каждый смотрит с жадным вниманием: неужели на свете есть и такие люди?

Все то и дело переводили непонимающие взгляды на его щит, где во всей красоте и блеске изображен прекрасный белый лебедь. Лебедь, а не львы, тигры, леопарды, разъяренные вепри, буйволы, как у всех других рыцарей. Словно бы он никого не старается утратить, напугать, заставить отступить...

Король Генрих рассматривал его со всем вниманием, но в то же время настороженно. Незнакомец высок, с широкими и настолько прямыми плечами, что кажется, будто нарочито их приподнимает. Красивые золотые волосы, глаза сперва показались ему ясными, как небо в солнечный день, но в следующий момент, когда он бросил взгляд на застывших

рыцарей, они больше напомнили про холодную сталь обнаженного клинка.

Лицо удлиненное, с резкими чертами, все как бы выдвинуто вперед: глаза, нос, губы, в то время как у Тельрамунда все расположено на одной плоскости, из-за чего на лице рыцаря Лебедея словно бы застыло выражение постоянного нетерпения, в то время как Тельрамунд выглядит медленным, солидным и основательным.

Если случится схватка, мелькнуло у него, то это будет бой пришлого молодого льва с громадным медведем, хозяином здешних лесов, каким выглядит Тельрамунд...

Незнакомец остановился перед трибуной в том месте, где расположился Генрих, преклонил колено.

Все услышали его негромкий, но отчетливый голос:

– Ваше Величество, позвольте поблагодарить вас, что вы дали целую неделю, чтобы донести весть об этом Божьем суде до самых окраин.

Генрих кивнул, голос короля прозвучал точно так же отчетливо:

– Вижу, вы из очень дальних краев. Иначе бы я вас заметил раньше.

– Из очень дальних, – согласился рыцарь. – А теперь я просил бы вашего позволения вступить за честь юной герцогини.

Король едва сдерживал улыбку, хотя сейчас надлежит выглядеть озабоченным таким поворотом дела, он сдвинул бро-

ви, сделал лицо суровым и постарался, чтобы голос прозвучал даже с некоторой долей неудовольствия:

– Не могу.

– Ваше Величество?

– Это дело самой герцогини, – объяснил король.

Рыцарь обратил взор спокойных ярко-синих глаз на Эльзу. Она ощутила, как по всему телу пробежала непонятная и в то же время сладостно-тревожная дрожь.

Рыцарь произнес вежливо:

– Леди Эльза, я прошу дозволения обнажить меч в защиту вашей чести.

Она посчитала до трех, чтобы не ответить слишком поспешно, благородные люди всегда следят за своими словами и жестами, наклонила голову.

– Да, благородный рыцарь. Благодарю вас. Я полностью доверяю вам свою судьбу и решение этого суда.

Рыцарь поднялся с колен, Генрих, все еще хмурясь, сказал:

– Назови свое имя, благородный незнакомец.

– Лоенгрин, – ответил рыцарь спокойно. – Рыцарь Лебеда.

– Лоенгрин? – переспросил король. – И все?

– Да, Ваше Величество. Увы, обет.

Рыцари возбужденно переговаривались, многие из них давали разные обеты, это так модно – давать обеты, но никто никогда не скрывал имя, потому что как не похваляться происхождением, а вдруг что подумают...

– Ты не можешь назвать свое происхождение? – переспросил король в изумлении.

– Да, Ваше Величество, – ответил рыцарь четким и ясным голосом. – Я принадлежу к... некоему ордену и по его уставу никому не должен сообщать ничего о себе.

Глава 8

Собравшиеся лорды и придворные переговаривались громче, рыцаря рассматривали беззастенчиво и во все глаза. А среди набежавшего смотреть на поединок простого народа не было человека, кто смотрел бы на него враждебно.

Даже рыцари из свиты Тельрамунда смотрели скорее заинтересованно, чем враждебно.

Король сделал паузу, словно колеблясь, так надо, все сейчас смотрят на него, наконец проговорил медленно, словно с трудом принимал решение:

– На подобные поединки допускаются только особы благородного происхождения...

Граф Маргант вскочил, лицо полыхнуло гневом.

– Ваше Величество! – закричал он так, словно король от него на другом конце света. – Да взгляните на него!

И сразу несколько рыцарей закричали:

– Он благороден!

– Где неблагородный возьмет такие доспехи?

– Посмотрите на его осанку!

– Если он не благороден, тогда кто?

Король сказал строго:

– Всем тихо!.. Да, вы правы, правы. По всем признакам бесспорно и без всяких доказательств видно, что вы, рыцарь Лоенгрин, человек благородного происхождения. Я даю раз-

решение на поединок.

Вышедшие было на поле рыцари поспешно перешагнули через бревна обратно. Лица их сияли, не уstraшились вступить за правое дело, но до чего же приятно, когда кто-то, более сильный, взял эту необходимость на себя!

Тельрамунд все это время стоял неподвижно, словно скала. Он слышал каждое слово и понимал короля, который готов отдать победу в споре ему, но не может это сделать слишком явно, потому что и короли вынуждены опираться на рыцарство. А рыцарство сейчас жаждет, чтобы все было «по правилам», дураки. Не понимают, что правило в мире одно: править должен сильнейший, а уже сильнейший создает новые правила.

Сверкающий доспехами рыцарь молча переступил бревно, Тельрамунд лишь сдвинул плечами. Невелика разница: получить трон ввиду неявки защитника Эльзы или же сперва повергнуть наземь кого-то из рыцарей. Он уже оценил тех двух и решил быть милосердным: любого, кого выберет Эльза, только собьет с ног, не покалечив, даже не ранив. Оба достойные рыцари, пользуются уважением, не стоит их восстанавливать против себя.

А вот этого сверкающего красавчика он возненавидел сразу, едва тот подплыл на лодке к берегу. И с каждым мгновением ненависть перерастает в лютую злобу, что заставила скрежетать зубами и то и дело сжимать рукоять тяжелого ме-

ча.

Лоенгрин остановился напротив Тельрамунда. Собравшиеся с изумлением увидели, что новоприбывший почти не уступает ростом графу, разве что не так грузен, да и не старается выглядеть грозным. А на его щите нарисован белый лебедь, совсем уж непонятное диво, это в стране, где у каждого на гербе оскаленные львы, тигры, драконы, вепри, медведи, рыси!

– Граф Тельрамунд, – произнес Лоенгрин чистым ясным голосом, в котором не было и тени угрозы, – я даю вам возможность признать, что вы не правы.

Тельрамунд взревел:

– Что?

– Повторяю, – произнес Лоенгрин кротко чистым, ненавистно правильным голосом, – вы можете сейчас признать, что оклеветали благородную леди Эльзу. Король в своем великодушии вас простит, вы всего лишь удалитесь в свой замок.

Тельрамунд смотрел на него с изумлением и все растущей яростью.

– Иначе... что?

– Иначе, – ответил рыцарь кротко, – Божий суд выявит и накажет виновника.

– Так пусть же он выявит! – взревел Тельрамунд. Он потащил из ножен устрашающей длины меч. – Защищайся!

Сверкающий рыцарь произнес с кротостью голубки:

– Что ж, вручим свои жизни Господу.

Он с печалью во взоре обнажил меч, длинный и сверкающий, как полоска прозрачного льда. Тельрамунд быстро измерил взглядом длину меча противника, чуть короче, да и выглядит хрупким, хотя чувствуется настоящая сталь высокой выделки, похоже на изделие восточных умельцев, те умеют делать просто дивные мечи.

Рыцарь в сверкающих доспехах шагнул к Тельрамунду, тот инстинктивно поднял щит, но устыдился движения и сам с диким ревом, стремясь подавить противника, ринулся в бой, нанося сокрушительные удары.

Раздался сильнейший звон, с ветвей дуба взлетели птицы и с криками носились над полем боя. От грохота закладывало уши, кто-то вскрикнул:

– Где тот рыцарь? Он еще жив?

Несколько минут казалось, что Тельрамунд уже уничтожил соперника или уже вбивает его в землю. Исполинский меч с жутким звоном высекал снопы красных шипящих, как змеи, искр.

Граф ревел и неистовствовал, и многим показалось, что схватка уже закончена. Рыцарь в белых доспехах принимал удары на щит, и не сразу даже опытные воины заметили, что он не сдерживает эти сокрушительные удары, а вовремя слегка наклоняет щит под нужным углом, и удар графа, теряя силу, скользит мимо, и только огромный опыт схваток не дает Тельрамунду позорно провалиться вслед за своим ме-

чом.

Первыми начали одобрительно вскрикивать рыцари, что готовились вступить за леди Эльзу, затем и другие увидели высокое искусство рыцаря в сверкающих доспехах.

Один из простолюдинов, молодой крепкий парень с кудрявой головой, ухитрился протиснуться к самому бревну, огораживающему площадку боя, присел и возбужденно выкрикивал:

– Берегись, он ударит щитом!.. Смотри на замах слева!.. Это обман, он бьет по коленям!.. Опережай, опережай!

Граф Маргант наклонился к уху короля.

– Где воинское искусство графа? Рядом с этим рыцарем он выглядит как деревенский увалень!

– Он достаточно искусен, – проворчал Генрих, – чтобы победить больше чем в ста пятидесяти сражениях. И в турнирных боях еще никто не сбросил его с коня.

– Но сейчас он не выглядит победителем.

– Он дерется очень умело, – предостерег Генрих. – Приглядитесь.

– Да вижу...

– Просто у этого... как его, Лоенгрин выучка повыше. Даже не представляю, где могли такому обучить.

Тельрамунд обрушивал удар за ударом, он уже не ревел и не сыпал проклятиями, сберегая дыхание, а в толпе слышали его тяжелое сопение. Сверкающий рыцарь за все время не сдвинулся с места, а огромный Тельрамунд кружил вокруг

него, осыпая сокрушительными ударами, наконец все увидели, как меч Лоенгрин начинает встречать меч Тельрамунда в воздухе, от звенящего удара птицы глохли и падали с неба на землю, а люди приседали и поспешно закрывали ладонями уши.

Лоенгрин произнес ясным голосом:

– Граф, у вас еще есть время... Признайтесь во лжи.

Тельрамунд проревел с ненавистью:

– Я отправлю тебя в ад!

– Не сейчас, – ответил Лоенгрин.

Он начал наносить удары, Тельрамунд подставлял щит, но не обладал удивительным умением противника, и на щите после каждого удара лопались железные полосы, вылетали перерубленные гвозди, а затем начали откалываться куски самого щита.

В толпе восторженно вскрикивали. Упал на землю роскошный султан со шлема Тельрамунда. Лоенгрин небрежно наступил на него, даже не заметив. Со звоном слетела стальная пластина с плеча графа, а следующий удар сбил с головы Тельрамунда шлем.

Граф удержался на ногах только потому, что ременные завязки лопнули, он на миг опустил руки, став совершенно беззащитным, однако его противник этим не воспользовался, остановился, давая графу прийти в себя.

В толпе заорали, кто ликующе, кто возмущенно, а в королевской ложе граф Маргант сердито сплюнул себе под ноги.

– Дурак, что за дурак!

– Да, – согласился Генрих печально. – Хуже будет, если победит...

Граф бросил на него злой взгляд, но не проник мыслью в то, что хотел сказать мудрый король, и смолчал. А на поле снова загремело железо, граф сражается с дикой яростью и неистовством, в него как будто вселилась новая неведомая сила, он начал двигаться еще быстрее и бил со страшной силой.

Лоенгрин содрогался от тяжелых ударов, на его доспехах появились вмятины, но сам он бил в ответ так же сильно и с такой же скоростью, если не быстрее.

Ортруда уже не просто подалась вперед, а оперлась на барьер, отгораживающий от толпы внизу, глаза сверкают дико, на щеках выступили красные пятна, из пышной прически начали выскальзывать заколки, освобождая свирепую красоту блестящих черных волос.

Доспехи Тельрамунда покрылись трещинами, из двух-трех начала сочиться кровь. Он уже шатался, часто промахивался, в толпе орали, чтобы побыстрее приканчивал этого ублюдка.

Король первым понял, что этот Лоенгрин не стремится убить Тельрамунда, сказал раздраженно:

– Дурак... Он не понимает, что своим милосердием дает злу собраться с силами снова...

Граф Маргант сказал язвительно:

– Тогда, может быть, все-таки объявить победителем графа? В интересах государства?

Король произнес сухо:

– Думаешь, я бы так не сделал?

– Сделали бы, – согласился Маргант. – Но, к счастью, есть еще глас народа и хоть какой-то суд...

Кроваво-красное солнце, невероятно огромное, воспламенило небо на закате, и вся западная половинка горит в багровом огне, будто и небо залито кипящей кровью. Тяжелое дыхание Тельрамунда разносится по всей толпе, дышит он, как огромные кузнечные мехи, но теперь все слышат в нем хрипы и стоны, словно мехи прохудились и вот-вот прорвутся.

Раскаленный шар солнца опустился за темный край земли. По земле пробежали длинные тени, слились воедино, и земля начала погружаться в сумрак. И лишь вскинутый меч рыцаря Лебеда вдруг сверкнул необыкновенно ярко-пурпурным огнем, будто уходящее на покой солнце передало весь блеск ему.

Люди еще дивились чуду, как этот меч обрушился на шлем черного рыцаря. Раздался тяжелый звенящий удар по металлу. Шлем снова слетел с головы графа и, кувyrкаясь, пронесся над трибунами и упал в толпу.

Граф Тельрамунд покачнулся и рухнул навзничь бездыханным.

– И что теперь? – спросил граф Маргант.

– Уже не мы решаем, – ответил король.

Его слова потонули в мощном реве толпы. Рыцарь Лебеда, держа меч наготове, подошел к поверженному противнику.

На поле выбежали оруженосцы Тельрамунда, но строгий окрик из ложи короля остановил их. Все видели, как рыцарь остановился над поверженным и с достоинством дождался, пока тот откроет глаза.

– Но к чему-то вы должны быть готовы? – сказал Маргант. – Вас никогда не заставляли врасплох!

– Кроме как Божественным вмешательством, – пробормотал король. – А такое не предусмотреть...

Толпа беснуется в бурном ликовании, а на поле тем временем рыцарь в сверкающих доспехах взял меч в обе руки и поднял над распростертым противником.

– Все кончено, граф! – произнес он ясным чистым голосом. – Вы это поняли?

Кончик его меча опустился к незащищенному горлу графа.

– Будь ты проклят! – прошипел Тельрамунд. – Убей меня.

– Если не признаете, что оклеветали Эльзу, – сообщил рыцарь Лебеда, – я так и сделаю.

Тельрамунд помолчал, собираясь с мыслями, даже веки опустил, а когда снова открыл глаза, его взгляд не предвещал Лоенгрину ничего хорошего.

– Признаю, – ответил он.

– И что сделать с вами?

– Пощадите, – прошептал Тельрамунд.

Он надеялся, что никто не услышит, как несокрушимый Тельрамунд просит оставить ему жизнь, но тишина стояла такая литая, что слышали даже в дальних рядах.

– Признайтесь, – потребовал Лоенгрин тем же неумолимым голосом, – что оклеветали Эльзу Брабантскую!

Тельрамунд прошептал:

– Признаюсь...

– Громче, – потребовал Лоенгрин.

Тельрамунд скривился, Лоенгрин видел, что на лице снова отразилось мучительное колебание, да лучше умереть, чем вымолвить такое, но тяжелые раны, усталость и полное изнеможение заставили Тельрамунда сказать из последних сил:

– Признаюсь...

– В чем? – потребовал Лоенгрин.

– Я оклеветал Эльзу, – проговорил Тельрамунд, – и хотел занять трон герцога... И будь ты проклят... Убей меня!

Он захрипел, откинул голову и закрыл глаза.

– Это решит король, – ответил Лоенгрин. Он повернулся в сторону королевской ложи. – Ваше Величество, как вы слышали, и весь народ тоже, граф Тельрамунд признал свою вину и то, что он оклеветал Эльзу Брабантскую.

Генрих кивнул.

– Да, я вижу, – проговорил он суховатым голосом, – Божий суд... позволяет совершаться чудесам. А что хочешь ты

сам, рыцарь Лебеда? Судьба графа в твоих руках. Теперь ты сам волен решать, жить ему или умереть.

Рядом граф Маргант пробормотал саркастически:

– Беспроигрышный ход! Особенно когда уже понятно, что ответит этот... светлый.

– Политика, – пробормотал король.

А рыцарь Лебеда, все еще не убирая острие меча с горла Тельрамунда, обратился к черному рыцарю:

– Я оставляю вам жизнь, Тельрамунд. Но с условием...

Тельрамунд с усилием поднял набрякшие красные веки.

– Каким? – прохрипел Тельрамунд.

– С этой минуты, – произнес Лоенгрин, – ваш меч и вся ваша жизнь да будут служить только доброму делу!

Толпа зашумела ликующе, в воздух взлетели головные уборы, пугая тех птиц, что еще не улетели в ужасе раньше.

Тельрамунд помолчал, озадаченный, затем все услышали его измененный голос:

– Да, конечно, а как же еще...

Рыцарь Лебеда убрал меч, оруженосцы набежали, пытались поднять тяжелого графа, но только сопели и пыхтели. Им на помощь пришли торопливо еще, но графа удалось поднять, только когда двенадцать человек соединили усилия.

Глава 9

Тельрамунда вынесли из огороженного поля, за это время подогнали телегу, и грузного графа уложили на охапки сена. Кто-то попытался снять хотя бы часть доспехов, но вызвал только болезненный стон: даже панцирь погнут и расколот во множестве мест, понадобится кузнец с его инструментами, чтобы снимать уже не доспехи, а побитые и негодные куски металла.

Графиня Ортруда, что во время боя то и дело порывалась вскочить, сейчас сидела неподвижно, бледная и с такой лютой ненавистью на лице и в глазах, что от нее отводили взоры даже мужчины.

Эльза дышала часто и взволнованно, щеки ее окрасил румянец, а взгляд не отрывался от блистающего красотой и благородством осанки рыцаря.

Граф Маргант толкнул Генриха локтем и указал взглядом на Эльзу, потом на победившего рыцаря.

Король скривился.

– За что ты их ненавидишь? – шепнул он.

– Ненавижу? – удивился граф. – Я их люблю и жалею! Но сейчас все ждут от тебя определенного жеста.

Генрих зло шепнул:

– Вот после этого и говори о своеволии королей!

Он выпрямился, воздел властно руку и сказал громко:

– Подойди к нам, доблестный рыцарь. Ты доказал своим воинским умением свое рыцарское происхождение, а своим благородным поведением... что ты из очень высокого рода.

Лоенгрин приблизился к помосту, все видели, с какой дивной грацией и достоинством он двигается, учтиво наклонил голову в поклоне, Генрих невольно подумал, что именно учтиво, а не покорно или подобострастно. А когда он поднял голову, Генрих вздрогнул от пронзительного взгляда, в котором читалось: да, я чист, а ты?

Граф Маргант толкнул застывшего короля.

– Ваше Величество, вы уже поздравили доблестного рыцаря?

Генрих заставил себя величественно улыбнуться.

– Гораздо важнее, что благородного незнакомца поздравили народ. Смотри, как ликуют! Доблестный Лоенгрин, я присоединяюсь к поздравлениям знати и простонародья, что как никогда едины в своем радостном порыве. Эльза Брабантская оправдана, а граф Тельрамунд запятнал себя ложью. Но скажу честно, как государь всех германских земель, вы задали мне трудную задачу. Скажу откровенно: устранив столь могучего рыцаря, которому не было в Брабанте равных, вы тем самым открыли дорогу распрям и кровопролитию.

Он видел, как рыцарь, назвавшийся Лоенгрином, удивленно вскинул брови. Но через мгновение они опустились и сошлись на переносице, на лбу появились две морщины,

а глаза потемнели. Очень молод, понял Генрих, над такими вещами еще не задумывался. Или чересчур чист, мирская суэта проходит мимо возвышенной души.

Граф Маргант кашлянул и сказал намекаяюще:

– Его Величество при всей своей медвежьей деликатности все никак не может брякнуть, что... гм... словом, вы посмотрите на Эльзу Брабантскую! А то что-то и я не могу сказать вслух такие понятные вещи...

Лоенгрин повернул голову. Эльза, счастливая и восторженная, смотрит на сказочного рыцаря блестящими глазами, румянец не покидает ее щеки, а хорошенький ротик приоткрылся в счастливом удивлении. Увидев, что на нее смотрят, смутилась, румянец залил нежное лицо жаркой волной, опустил на шею и воспламенил хорошенькие розовые ушки.

Генрих собрался с силами и, преодолевая себя, чувствуя себя грубым и неделикатным, ведь в молодости тоже был вот таким, со сверкающими крылышками за спиной, сказал с настойчивостью государя:

– Доблестный рыцарь, ты готов отправиться в поисках приключений дальше, я вижу. Да, ты из тех, кто бродит по свету, мечом насаждает справедливость... ну, как понимает ее. Но здесь ты многое нарушил, потому за все в ответе. Я уже сказал, что этот граф Тельрамунд, которого ты поверг, держал всех в железном кулаке... а что теперь? Когда нет могучего вожака стаи, все перегрызутся, многие погибнут, пока наконец-то на обессиленной земле кто-то один не су-

меет снова поднять остальных.

Лоенгрин произнес таким чистым голосом, словно за него заговорила серебряная труба:

– Но теперь все видят, что Брабантом правит герцогиня Эльза по закону.

Король вздохнул:

– Как я мечтаю о тех временах, когда все будет по закону!

– А что мешает? – спросил Лоенгрин.

Король ответил в тишине:

– А ты уверен, что нежная девушка, вся сила которой в ее слабости, сможет править Брабантом? Здесь мужчины много пируют и быстро хватаются за мечи, здесь сосед нападет на соседа только за то, что тот не так на него посмотрел, старинные родовые замки переходят из рук в руки, на турнирах гибнет больше рыцарей, чем в войнах, а внутри Брабанта войны вспыхивают чаще, чем с его соседями! Эльза с этим справится, как ты думаешь?

Лоенгрин стоял в молчании, а граф Маргант добавил с сочувствием:

– Граф Тельрамунд устроил бы всех железной рукой. И – никаких распрей, никакой междоусобицы. А что теперь?

Лоенгрин молчал, тогда Генрих, уже сердясь, сказал резко:

– Давай решим сейчас. Ты видишь, какими глазами юная герцогиня смотрит на тебя? Ты для нее больше, чем светлый ангел с огненным мечом. Скажи, согласен ли взять Эльзу

Брабантскую в жены... и стать защитником Брабанта? Эльза, спрашиваю и тебя, согласна ли ты стать его женой?

Эльза, что всегда помнила, как нужно отвечать не спеша, обдуманно, сейчас выпалила:

– Да! Да!

Щеки ее ухитрились стать еще пунцовее, глаза сияли, но затем в них появилась тревога, потому что солнечный рыцарь посмотрел на нее внимательно, перевел взгляд на короля и... смолчал.

Наступило тревожное молчание, даже народ терпеливо дожидался, хотя для них все было ясно: спасенная должна выйти замуж за спасителя, а как же иначе, по-другому и не бывает, так заведено... кем-то. В старое доброе время.

Через толпу протолкался и встал за спиной короля Ричберт, уже освободившийся от доспехов, словно и не пытался выступить в защиту Эльзы.

Рыцарь Лебеда молчал, раздумывал, король спросил настойчиво:

– Что останавливает тебя, рыцарь?

Лоенгрин ответил со вздохом:

– Долг, Ваше Величество.

– В чем он заключается? – просил Генрих. – Скажи, я король и должен и могу чем-то да помочь!

Лоенгрин покачал головой.

– Мой долг – защищать справедливость по всему свету. Я должен плыть дальше, Ваше Величество.

– Очень благородно, – вставил граф Маргант ядовито, – и оставить после себя девушку с разбитым сердцем.

Все посмотрели на Эльзу. Смертельно бледная, она прижала кулачки к груди и смотрела на Лоенгрину с таким отчаянием, что он смутился и отвел взор.

– Ваше Величество, – проговорил он тяжело, – я паладин. Король смолчал, не зная, что сказать. Это для рыцаря служба королю и верность даме – цель жизни, а для палладина – детские глупости. Паладины перешагнули такие понятия, как герцогство, королевство, нация, народ: для них существует только Истина, и если она оказывается в лагере враждебной армии, они будут сражаться за ее интересы там, среди противников своей страны. Даже всепобеждающая любовь, как высокопарно говорят о ней менестрели, в глазах этих фанатично преданных поискам Истины всегда проигрывает рядом с настоящей Целью.

Хардвульф и Ричберт смотрели на Лоенгрину с великим почтением, редчайшие из рыцарства удостоиваются такой чести, чтобы стать палладинами, но мечтают о таком пути самопожертвования многие.

Граф Маргант, видя ступор короля, пришел на помощь:
– Доблестный паладин, в твоей власти остановить начинающуюся борьбу за власть в Брабанте! Ты можешь прекратить сражения, спасти тысячи невинных людей!

Лоенгрин спросил коротко:

– Как?

– Своим присутствием, – ответил Маргант сердито. – Без тебя здесь будут гореть города, села и поля, люди начнут прятаться в лесах и жить, как дикие звери в норах, Брабант на три четверти вымрет... как уже было, и только вороны насытятся человеческим мясом так, что не смогут летать... Ты этого не видишь?

Лоенгрин вздохнул так тяжело, словно тащил на себе телегу с камнями на высокую гору.

– Увы, вижу.

– И ты пойдешь искать, – продолжил Маргант при умолкнувшем короле, – где обнажить свой меч, если здесь уже одно твое присутствие остановит любую борьбу за трон?

Лоенгрин снова так долго думал, что Генрих извелся, а Эльза едва не падала в обморок, наконец Лоенгрин произнес с болью в голосе:

– Я не могу решить сам. Я принадлежу Ордену.

Маргант тяжело вздохнул и развел руками, зато король Генрих встрепенулся и сказал живо:

– Отложим решение вопроса! Ты съездишь к своему Мастеру за разрешением. Я уверен, он все поймет и отпустит тебя. Заняв трон Брабанта, ты спасешь многие тысячи человеческих жизней! И, главное, я уверен, ты сможешь править Брабантом мудро и справедливо...

Граф Маргант взглянул на него с изумлением, но Генрих лишь дернул щекой, дескать, не мешай, я знаю, на какой крючок кого ловить, и граф смолчал.

Лоенгрин наконец поднял голову, лицо его побледнело, выдавая внутреннюю борьбу. Все затаили дыхание, даже народ, заполонивший поле поединка.

Все видели, как рыцарь Лебеда медленно повернулся к Эльзе.

– Я отлучусь, – произнес он с сомнением, – на неделю, милая Эльза.

– Я буду тебя ждать! – воскликнула она, заламывая руки, как простая дворянка. – Как я буду тебя ждать!

Он кивнул.

– Хорошо. Согласится мой Мастер или нет, я вернусь с ответом.

– Возвращайся, – прошептала она со слезами на глазах. – Если не вернешься, я... я... умру.

Лоенгрин задумался, Эльза затаила дыхание, наконец он ответил медленно:

– Скажу честно, мое сердце уже принадлежит тебе... Но я на службе... и не волен ее оставить.

Она охнула.

– Но почему, почему?

Он грустно усмехнулся.

– Наверное, потому, что мир еще не таков, каким должен быть. Мы обязаны сделать его лучше.

– Лоенгрин!.. Не покидай меня! Я умру без тебя...

Он вскинул руку, останавливая ее плач и слезы.

– погоди. Я вернусь и попрошу позволения жениться на

тебе.

Она вскрикнула счастливо, ее сияющие, как утренние звезды, глаза обшаривали его смущенное лицо.

– Правда?

– Я это сделаю, – пообещал он.

Все в молчании смотрели, как рыцарь в сверкающих доспехах вернулся к реке, лебедь молча подплыл и красиво развернулся так, что лодка оказалась у самого берега.

Лоенгрин вошел по колено в воду, все дивились, с какой ловкостью и грацией он переступил через борт, лодка почти не колыхнулась, только сильно просела под его весом. Лебедь тут же наклонился всем корпусом вперед, налегая широкой грудью на шелковую шлею, вытянул шею и мощно заработал крупными лапами с широкими красными перепонками.

Граф Маргант заметил:

– Что это не простой рыцарь, можно было заметить по тому, как он прибыл.

– Да, – согласился король и зябко передернул плечами. – Я не представляю, как он держит равновесие! Меня бы сразу кувыркнуло за борт.

– Любой бы уже барахтался, – успокоил граф. – Это же надо – в тяжелых доспехах на таком утлом челне! Любовь к риску? В любом случае – воинская выучка у него выше всех похвал.

Они провожали его долгими взглядами, король сказал

раздраженно:

– Хотя бы сел! А то волна в борт или еще что...

Граф посмотрел на него с усмешкой в глазах.

– Что, Тельрамунда сбрасываем с шахматной доски?

– Если этот Лоенгрин вернется, – буркнул король, – то он и будет Тельрамундом. Мне все равно, кто на троне Брабанта! Мне нужно, чтобы в герцогстве был мир. Только тогда и налоги в казну, и людей могу набрать в войско. Да и вообще... Приятнее быть королем в богатой и процветающей стране, чем в нищей и разоренной. Достоинства правителей оцениваются только по этим признакам.

– Должны оцениваться, – уточнил Маргант. – На самом деле славят тех, кто больше всех убил людей, сжег городов, истребил народа, завоевал, захватил, покарал...

Генрих поморщился.

– Сам знаешь, я войны никогда не начну. Но и свои земли не отдам.

Он выглядел злым и раздраженным, неожиданный отъезд рыцаря Лебеда озадачил и обеспокоил. По логике, любой должен был ухватиться за возможность жениться на такой красавице, дочери герцога, и сесть на трон. И дети королев не отказались бы от такой невесты. И от трона Брабанта, немалого герцогства, густонаселенного, усеянного городами, замками и селами, здесь в изобилии железная и серебряная руда, несметные стада овец с дивной шерстью и множество искуснейших ремесленников, а слава о брабантских конях

гредит и за пределами Германии...

Граф Хардвульф сказал с надеждой:

– Как же, не позволит! Любой сюзерен даже заставил бы его жениться на Эльзе.

Ричберт поморщился.

– Так уж и заставил бы?

– А что? Это же целое герцогство сразу падает под руку, как спелое яблоко. Не нужно ни завоевывать, ни самому заключать династические браки...

Маргант спросил задумчиво:

– Как думаете, кто его сюзерен?

Граф Хардвульф сказал пылко:

– Да кто бы им ни был, никто не откажется от Брабанта!

Маргант вздохнул и сказал с надеждой, как и Хардвульф:

– Хочу верить, что не успеет образ его лебеда рассеяться, как увидим его приплывшим обратно!

Хардвульф радостно засмеялся:

– Думаю, его сюзерен ему даже перевести дух не даст, сразу направит сюда, пока трон герцога еще пуст... Как думаете, Ваше Величество?

Король произнес с тяжелым вздохом:

– Я по-прежнему думаю, что намного лучше было бы для всех, если бы Божий суд выиграл граф Тельрамунд.

Ричберт вскрикнул:

– Это было бы несправедливо!

Король кивнул:

– Да, несправедливо, если с точки зрения справедливости, но для короля важнее спокойствие и умиротворение в землях.

– А Лоенгрин?

– Слишком, – ответил король после паузы, – светел. Слишком. Такие долго не живут. Мир жесток, и если этот рыцарь Лебедея начнет его перестраивать под себя, народ возмутится и восстанет. Все привыкли жить в грязи, а чтобы из нее вылезти – нужно несколько поколений. Церковь это понимает и работает медленно и терпеливо. А юность, увы, жаждет слишком быстрых перемен.

Они вскричали почти одновременно:

– Ваше Величество! Но как же... справедливость?

Король смолчал, лицо стало грустным, а в глазах появилась непонятная для придворных печаль.

Глава 10

Плотники начали разбирать помост, слуги и оруженосцы собирали шатры, сворачивали и грузили в повозки. Торговцы первыми снялись с места и укатили в ближайший город. На месте схватки осталась истоптанная земля, а за бревнами, где располагалась публика, собаки подбирают кости с лохмотьями мяса да шустрые птицы торопливо клюют оброненные корки хлеба.

Король в окружении знатнейших рыцарей молча шел к коням, все еще задумчивый и не уверенный в том, что все получилось правильно и как надо.

Граф Маргант сказал успокаивающе:

– Не беспокойтесь так уж, Ваше Величество! Судя по вечной воюющей и нищей Европе, где сражаются не только королевства, но и баронства друг с другом, у вас нет достойных партнеров даже для игры в кости.

Король нервно дернул щекой.

– Думаешь, мне это льстит?

– А почему нет? Быть единственным умным среди толпы дураков?

Генрих покачал головой.

– Дураки опасны. От них никогда не знаешь, чего ждать, на что обидятся. А с умными людьми как раз спокойнее. Всегда можно все выяснить в беседе, договориться, в чем-то

уступить, в чем-то выиграть. Поступки умных людей предсказуемы!

Граф посмотрел с интересом.

— Правда? А то я не всегда понимаю ваши поступки.

— Сам ты... — огрызнулся Генрих. — Я из деликатности не уточнил, что и... гм... неумные люди умных не совсем, так сказать, понимают.

Граф тяжело вздохнул, пробормотал, что теперь пойдет топиться, Генрих угрюмо скалил зубы. Граф старается отвлечь его от тревожных мыслей, на самом же деле у них обычно удивительное единодушие: не сговариваясь, приходят к одинаковым выводам, а так как граф Маргант слышет одним из умнейших людей Европы, то Генрих гордился, что их взгляды совпадают. Но сейчас поступок Лоенгринга озадачил обоих...

Неделю весь Брабант только и судачил про удивительный Божий суд. Все пересказывали подробности турнира, образ рыцаря Лебеда приукрашался до такой степени, что многие уже всерьез уверяли, будто это сам ангел явился с небес, чтобы спасти несчастную красавицу-сироту от злобного негодяя.

Граф Тельрамунд так и не смог подняться на ноги. Его на той же телеге увезли в его владения. Ортруда, бледная как мел от ярости и разочарования, уехала следом. А когда исчезли и все рыцари Тельрамунда, народ ощутил себя намного вольнее. Кто-то рассчитывал, что Эльза снизит и без

того невысокие налоги, кто-то полагал, что разрешит нанимать для грязных работ тюрингцев, а кто-то и надеялся поймать рыбку в мутной воде, когда огромным герцогством будет править слабая женская рука.

Рыцари, собираясь в группки, негромко переговаривались, настороженно посматривали по сторонам. Рыцарь Лебеда может вернуться... а может и не вернуться, кто знает, что за устав в его Ордене. И на случай невозвращения надо заранее понять, чем это грозит... и что можно урвать.

Граф Ричберт спросил разрешения короля сопровождать Эльзу, дабы убедиться, что теперь и она и герцогство в безопасности. Эльза не спала ночами, подурнела, чего страшилась больше всего, но ничего не могла с собой поделать: ночью забывалась беспокойным сном, где появлялся этот сверкающий, как ангел, рыцарь, брал ее на руки и взмывал с нею в небеса. Сердце колотилось в восторге, Эльза вскрикивала счастливо и... просыпалась, а когда удавалось заснуть снова, рыцарь в чем-то гневно ее упрекал, Эльза оправдывалась и с ужасом видела, что ее прекрасные холеные руки покрыты длинной густой шерстью.

Она вскрикивала снова и уже не могла заснуть до утра. На исходе недели ей приснилось, что они с Лоенгрином гуляют по небесному лугу, везде порхают крупные бабочки и смеющиеся ангелочки, души невинных младенцев, но вдруг рыцарь повернулся к ней, в глазах изумление и отвращение. Эльза в страхе посмотрела на себя: руки стали грязно-серы-

ми, словно вылепленные из земли придорожных рытвин, такие же ноги... и тут она ощутила, что все тело из земли, эта земля начинает рассыпаться, тело распалось на большие куски, а те, ударяясь о землю, превращались в мелкие грязные комья.

Она закричала страшно, в покои вбежали перепуганные служанки, успокаивали, утешали, говорили, что это только сон, а она все так же прекрасна, во всем герцогстве нет такой красавицы. Эльза рыдала и не могла успокоиться весь день, как вдруг одна из служанок, оставив госпожу, ринулась к окну.

Эльза против воли впилась в ее спину взглядом, служанка едва не протискивала голову через узкое окошко. Зад ее возбужденно двигался, наконец все в покоях Эльзы услышали ее ликующий вопль:

– Он вернулся!.. Он вернулся!

Служанки сразу оставили Эльзу, на лицах ликование, словно кто-то очень важный вернулся именно к ним.

– Он?

– Тот самый?

– Рыцарь Лебеда?

– Который побил Тельрамунда?

Эльза сидела на постели ни жива ни мертва. Служанки бросились к другому окну, с Эльзой осталась только верная Алели.

Она вздохнула, ласково погладила Эльзу по голове, пере-

брала пряди ее золотых волос, любуясь их красотой.

– Ну вот, если не врут, то и кончились ваши мучения, сиротка...

Слезы градом хлынули по щекам Эльзы.

– Я уже всего боюсь, – прошептала она измученно. – И никому и ничему не верю...

Алели спросила строго:

– Мергелка, это прибыл господин Лоенгрин?

– Да, – провизжала служанка. – Он, он!

Алели сказала довольноно:

– Ну вот, госпожа, он вернулся, как и обещал.

Эльза вскочила, заметалась по комнате, снова торопливо села на ложе.

– Быстрее!.. Волосы!.. Зеркало!.. Я ужасно выгляжу!..

Служанки с радостным визгом заметались, покои наполнились смехом и ликованием. Всем страстно хочется, чтобы хозяином был молодой и красивый рыцарь, такой если и прижмет где на лестнице, то одно удовольствие, любая будет рада такой забаве, а при молодом хозяине и друзья обычно молодые и веселые, всегда готовые на разные забавы...

Лоенгрин трепал коня по белоснежной гриве и что-то нашепывал ему на ухо, когда Эльза выбежала навстречу. Огромный жеребец с огненными глазами, гордый и прекрасный, слушал хозяина с некоторым недоверием, изредка потряхивал ухом, когда рыцарь Лебеда дул в него слишком сильно.

Во дворе уже толпятся на почтительном расстоянии челядь, стражники, только Перигейл подошел к Лоенгрину, поприветствовал и уставился на удивительного коня с жадным интересом.

– Это что за порода?

– Издалека, – ответил Лоенгрин.

Все повернулись в сторону выбежавшей Эльзы, а она, роня достоинство дочери герцога, бегом ринулась к сверкающему рыцарю, с плачем протянула руки.

Он дал обхватить себя за шею, но не обнял, только ласково опустил ладони на плечи, от них пошло успокаивающее тепло.

Эльза всхлипывала и цеплялась за него, как утопающая за оказавшийся рядом ствол дерева.

– Ты вернулся... ты вернулся...

Он взял ее лицо в ладони и произнес печально:

– Еще нет.

Она разом похолодела, синее небо вдруг стало черным, а в ушах медленно и страшно ударили колокола погребального звона.

– По... чему?

– Я рыцарь Ордена, – напомнил он. – Я связан клятвой.

– Ты... вернулся... чтобы сказать... что сейчас уедешь?

Он покачал головой:

– Нет. Но есть одно условие, при котором я могу остаться.

Она жарко вскрикнула:

– Принимаю любое! Жизнь мою возьми, только останься!

– Не говори так, – сказал он печально.

– Но это правда!

– Может, понадобится больше, чем жизнь... Но это лучше обсудить в твоих покоях.

Она сказала пылко:

– Твоих! Это все твое, Лоенгрин.

Он усмехнулся, повернулся к застывшему, как столб, Перигейлу, который старался делать вид, что его нет вообще, а есть что-то вот вроде оброненной подковы.

– Позаботься о коне, а мы с герцогиней Эльзой Брабантской обсудим кое-какие вопросы в ее покоях.

Перигейл проводил их понимающим взглядом. Естественно, молодой и такой могучий рыцарь, у которого в руках победа, захочет воспользоваться ситуацией и получить все, что можно получить в его положении. Быть рыцарем – не значит быть полным дураком, что упускает выгоду.

Из дальних строений все еще выбегали люди, падали на колени и смотрели на них снизу вверх, как на живые иконы. Лоенгрин с удивлением заметил у многих на глазах слезы.

Девушки бросали им под ноги цветы, сперва под конские копыта, а потом уже им самим, когда он взял Эльзу на руки и понес через широкий двор к дверям.

Все смеясь вопили радостно, в воздух взлетели шапки и даже рабочие рукавицы.

Лоенгрин шепнул Эльзе:

– Как все-таки тебя любят!

Она счастливо засмеялась и уткнулась лицом ему в грудь. От ее золотых волос идет сияние, кто-то из челяди забежал вперед и постелил им ковровую дорожку перед самым входом в здание.

Лоенгрин внес ее в холл, вперед забежала юная служанка и, блестя бойкими, черными, как спелые сливы, глазами, весело показывала, куда идти.

Через холл и вверх по лестнице, еще этаж и еще, затем по длинному коридору, Эльза прошептала ему на ухо:

– Не тяжело? Пусти, я сама...

Он засмеялся и крепче прижал ее к груди. Служаночка остановилась у двери, на которой венки полевых цветов, присела в поклоне.

– Мой господин...

Лоенгрин кивнул.

– Благодарю, – чем удивил ее донельзя. – Можешь идти.

Она открыла им дверь, а когда они вошли, закрыла за ними и то ли удалилась на цыпочках, то ли прижалась ухом к толстым дубовым доскам.

Эльза закрыла глаза и дышит в его руках, тихая, как засыпающий ребенок. Лоенгрин остановился у ложа с роскошным балдахином, хотел положить на мягкую перину юную герцогиню, но она в его руках так разомлела, что так там и останется, подумал и осторожно опустил ее на ноги.

Она в самом деле так отдалась этому странному чувству, ко-

гда сильный мужчина несет на руках и от нее ничего не зависит, что покачнулась и ухватилась за кроватьную стойку.

– Эльза, – произнес он тихо, – нам нужно сперва... поговорить.

Она заметила, что он даже не повел глазом по сторонам, словно здесь вся эта роскошь давно знакома и привычна.

Эльза уже собралась с духом настолько, что выдавила любезную улыбку и привычно указала на кресло.

– Извини, – произнес он, – я пока не сяду.

– Что случилось?

– Я еще не вернулся, – пояснил он с бледной улыбкой.

– Мой господин! – вскрикнула она в страхе.

Он успокаивающе выставил перед собой ладони.

– погоди, выслушай.

– Да, мой господин!

– Я еще не вернулся, – повторил он, – в настоящем смысле слова. Эльза, как я уже говорил, я – рыцарь Ордена.

Она сказала жадно:

– Да-да, ты говорил, это, наверное, очень здорово... Так красиво, торжественно и загадочно!

Он наклонил голову, не опровергая и не соглашаясь.

– Во всех рыцарских орденах, – продолжил так же ровно и настойчиво, – как ты знаешь, все считаются братьями.

Она снова не утерпела:

– Да-да, это так красиво!

Он вздохнул:

– Но ни в одном ордене это положение не соблюдается так ревностно, как в нашем. Вступая в Орден, каждый забывает о своем происхождении, привилегиях, высоких родственниках, своем древнем роде. Зато каждый приобретает такую семью, которой никто на свете не может похвастаться...

Она слушала внимательно и с напряжением, недоумевая, зачем он ей это рассказывает, все время страшилась, что какой-то пункт устава все-таки заставит его уйти, молилась всей душой, чтобы этого не случилось, а она сделает все-все, что этот дивный рыцарь захочет и восхочет...

– Так вот, – сказал он, – ты должна принимать меня таким, каков я есть, и судить меня по моим поступкам. Ты не должна допытываться о моих предках, моем роде, моем происхождении! Человек сам отвечает за свои деяния. Славные предки ни при чем, и благородное происхождение не может служить защитой или быть чем-то весомым в споре или других делах.

Ее сердце едва не взорвалось от нахлынувшего ликования. Она чувствовала, как жаркая кровь бросилась в лицо, прилила к щекам и обожгла уши.

Она прижала руки к груди.

– Доблестнейший рыцарь!.. Я никогда не слышала более благородных и достойных слов!.. Мне отец всегда говорил, что человека нужно судить по его поступкам, ибо простой человек бывает благороднее иного знатного, а знатный нередко оказывается мерзавцем. Да-да-да, я с великой радо-

стью принимаю твое условие! Как и все остальные, что услышу от тебя!

Он вздохнул, в глазах все еще оставалась тревога.

– Эльза...

– Да, мой господин?

– Других условий нет...

– Но даже если бы и были! Мой господин, я клянусь...

Он остановил ее жестом настолько властным, что она умолкла мгновенно. Его лицо оставалось строгим и торжественным.

– Погоди-погоди.

– Слушаю, мой господин!

Он произнес очень серьезно:

– Эльза, это не просто красивое пожелание. Ты должна дать клятву, что никогда-никогда не нарушишь своего обещания не спрашивать меня о моем происхождении.

– С радостью, мой господин!

– Эльза, отнесись к этому... без такой веселости.

Она вскрикнула, ликуя, возносясь в счастье, что условие оказалось таким простым и легковыполнимым:

– Да, любимый! Я дам тебе любую клятву!

– Мне не нужно любую, – ответил он терпеливо, – мне нужна именно эта клятва.

– Я даю клятву, – произнесла она торжественно. – Перед лицом Господа клянусь, что никогда и ни при каких обстоятельствах не спрошу доблестного рыцаря Лебеда, благо-

родного Лоенгринга, о его происхождении. Да покарает меня небо...

Лоенгрин прервал:

– Эльза, ни о каких карах речь не идет. Просто я должен буду в тот же час покинуть тебя. И я это сделаю.

Холод проник в ее сердце, она ощутила, как смертельно бледнеет, но заставила губы раздвинуться в беспечной улыбке.

– Лоенгрин... Никакие силы ада не заставят меня спросить тебя о происхождении!

Он смотрел серьезно и пытливо.

– Эльза, умоляю, сдержи слово.

– Лоенгрин, – сказала она нежно, – не знаешь ты женщин... Я и так бы не нарушила слово! Но теперь, когда знаю, что могу потерять тебя, никогда-никогда даже не подумаю спросить... даже не подумаю подумать... Да что там! Лоенгрин, умоляю, поверь мне!

Слезы брызнули из ее прекрасных глаз, губы распухли и задрожали, но Эльза не двигалась, не вытирала щек, ее взгляд был прям, ясен и молящ. Лоенгрин протянул к ней руки, и она, снова забыв о своем достоинстве дочери герцога, метнулась к нему, будто служанка какая, обвила его шею руками и прижалась крепко-крепко, молча умоляя никогда ее не бросать.

Он обнял ее, чувствуя, как глубокая всепроникающая нежность к этому испуганному ребенку пропитывает все его

тело и душу. Она думает, что никто не видит ее страха и беспомощности, гордо задирает голову, она же Эльза Брабантская, но ее ужас перед этим жестоким миром кричит громким голосом, а он из тех, кто слышит.

Он держал ее крепко и нежно, но в какой-то момент она вздрогнула, шепнула ему на ухо:

– А что сказал твой... Мастер?

Лоенгрин вздохнул:

– Он возражать не стал... особенно.

Эльза спросила встревоженно:

– Но возражал?

– Да, – ответил Лоенгрин невесело. – Он дал разрешение.

– Но ты невесел! Что случилось?

Лоенгрин вздохнул:

– Он не верит, что у нас получится.

– Почему?

Он бросил на нее короткий взгляд, быстро отвел глаза в сторону.

– Он опасается, что элемент земли возьмет свое. Более того, он в этом уверен.

– Какой? – спросила она непонимающе. – Какой земли?

Он пожал плечами.

– Наверное, он имел в виду ту, из которой Господь создал человека. Потом Господь вдохнул в него часть своей души, но... это только искорка в большой глыбе мокрой земли. Мастер считает, что раздувать эту искорку в бушующее пламя

придется еще сотни лет, а я доказывал, что на свете уже много людей, у которых души из чистого светлого огня, а остальным поможем разжечь... Ведь поможем, Эльза?

Она воскликнула:

– Поможем! Дорогой Лоенгрин, как я люблю тебя! Мы сделаем все, что ты хочешь! Мы сделаем герцогство таким, как хочешь...

– Таким, – ответил он задумчиво, – чтобы люди всех других земель захотели стать такими же.

Она охнула:

– Всех земель? Люди такие упрямые...

Он воскликнул, загораясь:

– Но я докажу! Мы докажем, не так ли, Эльза?

– Докажем, – согласилась она горячо. – А что докажем?

Он улыбнулся своей чудеснейшей улыбкой, делавшей его в ее представлении похожим на божественного ангела в блистающих небесным огнем доспехах.

– Ты готова идти со мной, даже не зная, что я хочу?

– Готова, – подтвердила она преданно. – А разве не так должна поступать женщина?

– Не знаю, – ответил он чуточку растерянно и поцеловал ее в золотую макушку. – Я был далековато...

– От Брабанта?

– Да, – ответил он. – От Брабанта. Но я счастлив, что у меня такая чудесная жена.

Глава 11

Она вся светилась, излучала эту радость, что проникает сквозь толстые стены и заливают весь замок, Лоенгрин смотрел с великой нежностью.

– Эльза, дорогая, – сказал он тихо, – мы оба в несколько странной и неожиданной для себя ситуации...

Она прервала счастливым голосом:

– Милый... Для меня она совсем не странная и вовсе не является неожиданной... Многие из нас мечтают, как однажды прискачет принц в сверкающих доспехах и на белом коне, молодой и красивый, засмеется весело и возьмет в жены... Мне выпало такое неслыханное счастье!

Он пробормотал:

– Мечты имеют несчастье сбываться...

– Милый?

– Очень редко, – уточнил он, – к счастью. Эльза, каждый наш шаг и каждое слово открывают новые двери. Давай всегда стараться поступать только правильно...

Она вскрикнула в удивлении:

– Ты весь такой правильный! О чем ты волнуешься?

Он сказал в смущении:

– Эльза, я в самом деле безупречен как странствующий рыцарь. Не буду хвастаться, но я в самом деле немало сразил драконов и очистил земель от чудовищ, разорвавших дерев-

ни и убивавших людей. Однако я никогда не сидел в кресле герцога... вообще правителя!.. Ты была с отцом, видела, как он держит вожжи в руках, и, надеюсь, будешь подсказывать мне...

Она счастливо расхохоталась.

– Милый! Да конечно же! О чем ты беспокоишься?.. Хозяйство устроено так, что все идет само по себе. Вмешиваться приходится только в самых особых случаях, но, надеюсь, до этого не дойдет либо... дойдет не скоро!

Он с облегчением вздохнул.

– Да, хорошо, что герцог все наладил.

– Милый, тебе не о чем беспокоиться!..

Он выглядел таким смущенным и очень растерянным, что она ощутила небывалый прилив смелости, сама шагнула к нему и, обняв, прижалась всем телом.

– Эльза, – шепнул он тихо и погладил ее по спине. – Милая Эльза... Теперь герцогство – наша ответственность. Пусть пока идет, как ты говоришь, само по себе, но мне надо будет очень быстро разобраться со всеми деталями этого механизма. Что-то мне подсказывает, это посложнее устройства арбалета, баллисты или даже тяжелого требушета. Ты... отдохни пока, а я схожу вниз, познакомлюсь с людьми.

На выходе он первым увидел сэра Перигейла, тот разговаривает с группкой рыцарей, неподалеку от них трое парней разгружают телегу с мешками муки, управляющий выглядит из подвала и машет грузчикам, то ли поторапливая, то

ли указывая, куда нести.

Лоенгрин остановился и оглядел его на этот раз внимательнее, с начальником охраны замка наверняка придется иметь дело чаще всего.

Это один из тех воинов, что начинают ратную службу в ранней молодости простыми воинами, затем их берут оруженосцами, в рыцари посвящают не в честь заслуг предков, а за ратные подвиги на бранном поле, когда просто нельзя не вручить золотые шпоры, а вот, обрета бесценный опыт в многочисленных боях, осадах и защитах крепостей, научившись за многие годы битв руководить людьми, такие люди наконец-то получают предложение занять должность начальника охраны замка, бурга, земли...

В обязанности Перигейла, как он понимает, входит охрана замка Анвер, обучение и подготовка молодых воинов, а также надзор за всем хозяйством, что имеет отношение к воинской службе: оружейной, бронной, кузницей, выделкой шкур, изготовлением стрел, а также конюшней.

Лоенгрин ощутил к нему симпатию с первого же взгляда, когда увидел в день поединка с Тельрамундом, и сейчас это чувство, как он заметил, уже пускает корешки.

Рыцари замолчали, повернулись, глядя на рыцаря Лебеда с почтением, уважением, интересом. Среди них Лоенгрин заметил и того, который одновременно с Перигейлом принял вызов Тельрамунда. Высокий, жилистый, с худым костистым лицом, на подбородке уже седая щетина, но чувствуется, что

сражается не хуже молодых: плечи широкие, руки длинные и мускулистые от постоянных упражнений с тяжелым мечом или топором.

Перигейл встретил нового хозяина широкой улыбкой. Лоенгрин прочел в его глазах откровенное: наконец-то сброшу на его плечи то, что и должен нести хозяин замка!

Судя по его лицу, он собирался поприветствовать нового хозяина заранее заготовленной фразой, но Лоенгрин подошел сам и заговорил с должным почтением в голосе:

– Сэр Перигейл, я хочу поблагодарить вас за желание вступить за честь Эльзы в поединке...

Перигейл покачал головой.

– Это был мой долг. Другое дело – сэр Шатерхэнд, сэр Мортен Хоинберг, сэр Торбьен Олсонторн... А граф Ричберт вообще не из Брабанта... Позвольте, кстати, сразу представить вам рыцарей, что верно служили покойному герцогу: сэр Диттер Кристиансен, Коллинс Нортстедт, Харальд Оустейнсон... Старший рыцарь – сэр Эрланд Шатерхэнд...

Они все преклонили колено, Лоенгрин при взгляде на Шатерхэнда вспомнил снова, как в час его прибытия этот рыцарь переступил бревно, готовясь вступить в бой с графом Тельрамундом за честь Эльзы, – могучего сложения, ростом не уступит, разве что не настолько ужасающе огромен, железа на нем вдвое меньше, меч короче, а щит заметно легче, но шрамы на его лице говорят о том, что в схватках бывал жестоких и не избегает их сейчас.

– Рад вас видеть, братья, – сказал Лоенгрин, рыцари переглянулись от необычного обращения, но посерьезнели, так члены рыцарских орденов обращаются друг к другу, – трудное время, надеюсь, миновало. Но у нас много работы и много забот... Встаньте и больше не преклоняйте передо мной колена, ибо я паладин и равен вам во всем.

Рыцари поднялись, по очереди кланялись, улыбались любезно, куртуазность диктует поведение, но взгляды оставались испытующими и в то же время исполненными почти-тельности.

Перигейл сказал деловито:

– Сэр Лоенгрин, пользуясь случаем, хочу сразу предупредить, держите все дела в железной рукавице.

Лоенгрин спросил встревоженно:

– А что случилось?

Перигейл сдвинул плечами.

– Ничего. Просто челядь есть челядь... Работать никто не любит. После смерти герцога все надеялись, что, когда в замке будет править кроткая Эльза, можно будет работать спустя рукава, а то и вовсе лежать с утра до вечера, жрать до отвала и пить вино из хозяйских запасов, но, когда прошел слух, что герцогство подминает под себя ужасный Тельрамунд, все сразу запаниковали...

– Что придется работать вдвое больше?

– Точно, – подтвердил Перигейл.

Лоенгрин поморщился.

– Значит, мне нужно держать середину между ласковой снисходительностью Эльзы и чрезмерной требовательностью Тельрамунда?

Перигейл покачал головой:

– Нет.

– Нет? А что?

– Вам нужно вести свою линию, – ответил Перигейл. – Делать все, чтобы в хозяйстве ничто не останавливалось, ничто не простаивало, в то же время не забывать охранять как от вора и разбойников изнутри, так и от жадных соседей снаружи.

Лоенгрин заверил горячо:

– Я хочу это делать! И буду стараться...

Перигейл уловил его неуверенность, сказал как можно тверже:

– У вас получится.

– Не знаю, – ответил Лоенгрин, – стараться буду, но раньше я приносил пользу только тем, что чистил землю, оставшуюся от язычества, от разных чудовищ.

Перигейл смерил его внимательным взглядом.

– Вы были... на службе?

– Как и сейчас, – ответил Лоенгрин.

– У короля? Императора?

– У меня одна миссия на земле, – ответил Лоенгрин, – служить Богу, а не человеку, будь он король, император или кто угодно. И пока что мне это удавалось.

Перигейл пробормотал:

– Уверен, удастся и теперь. Венчание назначено на завтрашний день. Вы как... еще не передумали?

Спрашивал он шутливо, улыбался даже, но взгляд оставался серьезным.

– Ни за что, – ответил Лоенгрин так же весело. – Кто бы отказался от такого вызова?

Перигейл не понял, что молодой герцог имеет в виду, но кивнул, в молодом рыцаре чувствуется та чистота и святость, что у всех нас бывает в детстве, но потом почти у всех выветривается. У кого частично, а у кого и совсем...

На другой день мужчины весело орали и бросали в воздух шапки, а женщины проливали слезы умиления, глядя, как сэр Перигейл, торжественный и важный, ведет к венцу Эльзу Брабантскую, заменяя ей отца, настолько светлую, чистую и трепетную, что растроганное слово «ангел» то и дело слышалось под сводами храма.

Ее волосы целомудренно убраны под плотно облегающий верх головы чепчик скромного небесно-голубого цвета, жемчужины совсем мелкие, в храме надлежит быть сдержанным и не выказывать роскоши.

Взгляд Эльзы то и дело обращался на идущего рядом Лоенгрин, высокого, статного, настоящего прекрасного рыцаря из девичьих снов. Его светлые волосы красиво падают роскошными волнами на широкие плечи, взгляд прям и чист.

Они встали на колени и выслушали хор, воздающий хвалу Господу, строгие и неподвижные, а из распахнутых дверей, откуда на цыпочках входят опоздавшие гости, уже доносятся ароматы жареного мяса, дичи и рыбы.

Потом был пир, хотя начался несколько скомканно, два свободных места, издавна занимаемые графом Тельрамундом и его женой, красавицей Ортрудой, долго никто не решался занять, пока туда не усадили двух опоздавших, что так и не поняли, кто здесь сидел раньше так близко к герцогскому трону.

Поздно вечером Лоенгрин подал руку Эльзе и увел ее под понимающие смешки и вольные шуточки гостей, а за ними потянулась целая толпа тех приближенных, кто должен присутствовать при консумации и подтвердить, что да, брак совершен.

Лоенгрин в своей комнате освободился от доспехов и верхней одежды, сполоснулся в бадье с водой и, набросив на голое тело ночную рубаху, вошел в спальные покои.

Огромное брачное ложе с балдахином из белого шелка стоит ближе к дальней стене, а здесь две немолодые женщины со строгими лицами монахинь старательно готовят Эльзу к брачному ложу: тщательно вытирают ее тело чистыми тряпками, смоченными в воде с уксусом, распускают волосы, поднимают ей руки и смачивают волосяные заросли настоями из пахучих трав...

Он прошел мимо, стараясь не косить в ее сторону взгля-

дом, обычай стар, все в нем предусмотрено и расписано до мелочей, у него есть возможность вот даже сейчас отказаться, если увидит в ее теле какие-то изъяны.

Хорошо, мелькнула мысль, что с его стороны только он один, а то сейчас здесь по закону должны появиться его отец и мать, обойти степенно и неторопливо вокруг его невесты, оглядеть ее очень внимательно, и если ничего не возразят, то ритуал будет продолжен, а если возразят, то прервать его можно, не обращая внимания на то, что священник повязал их руки шелковой лентой и вручил кольца..

Несмотря на то что брак заключен перед Господом, он будет считаться действительным только в случае консумации, а для ее подтверждения все эти люди будут присутствовать около ложа...

Он поморщился, что-то церковь усложнила ритуалы и продолжает усложнять их еще больше. Орден паладинов стоит на том, что в Библии уже есть все законы и заповеди, достаточно придерживаться их, а это вот все лишнее, неизвестно зачем и придуманное, разве что для усиления власти церкви и лично папы римского...

Он прошел к ложу и неслышно лег, сейчас нужно держаться торжественно, двигаться медленно, никаких быстрых жестов, громких голосов, ибо то, что сейчас произойдет, тоже относится к церковному таинству.

Сквозь полупрозрачный шелк он видел, как Эльзу обрядили в ночную рубашку с лучшими в мире брабантскими

кружевами, очень медленно повели ее в сторону брачного ложа, придерживая за руки и поглаживая по плечам.

Лоенгрин покосился на стены, так и есть: распятия деревянные и серебряные, фигурки святых, все обращены лицами к ним. Он вздохнул и откинулся на подушки.

В далеких странах, как рассказывал отец, в спальне должны находиться не меньше двенадцати воинов в полном вооружении, что одним своим видом отпугивают демонов зла, они же внимательно следят, чтобы на ложе все происходило по освященным веками правилам. Хотя и здесь, где придерживаются старинных обычаев, такое еще происходит...

Эльзу подвели к краю ложа, женщина поправила для нее подушку и выждала, когда Эльза опустила на нее голову. Лоенгрин надеялся, что хотя бы вторая снимет с нее этот дурацкий чепчик, однако обе отступили на шаг и сложили руки на животе.

Сэр Перигейл, как видел Лоенгрин сквозь вуаль шелка, вошел и остался в трех шагах от ложа с другой стороны, ладонь на рукояти меча, что значит – все-таки охраняет новобрачных от сил зла.

Эльза выглядит, как будто находится во сне, взгляд прям, но Лоенгрину почудилось, что и там ничего не видит, слишком уж потрясена тем великим и особым, что случится с нею и превратит из беспечной девушки в настоящую женщину, что должна будет одеваться иначе, ходить иначе и держаться совсем по-другому.

На той стороне комнаты, это всего в семи шагах, стол под белой скатертью с зажженными свечами, тарелки, чаши, подносы, но хоть не еда, а мокрые тряпки, губка, всякие лекарственные снадобья.

Сэры Диттер Кристиансен, Коллинс Нортстедт и Харальд Оустейнсон стоят с той стороны стола, зато леди Пернила Оскарссон и леди Маделина уселись в кресла справа и слева, Лоенгрин видел их блестящие от любопытства глаза.

Сэр Перигейл зашел с другой стороны ложа, он старается смотреть вверх, у него не достало смелости отказаться участвовать в таком обряде, да и не считает правильным, но зато хватает деликатности не паяться.

Эльза наконец легла, лицо бледное, глаза испуганно вытаращены, смотрит в потолок. Лоенгрин наклонился к ней, она поспешно раздвинула ноги.

Он шепнул ей на ухо:

– Не торопись...

Она ответила так же шепотом:

– Как же мне страшно...

– Это все они, – ответил он шепотом, – неправильно это. Мы должны быть одни.

– Но они должны знать точно, – прошептала она, – иначе мы все еще не муж и жена.

Он стиснул челюсти, вообще-то консумация, как говорил его мудрый отец, была придумана потому, что монархи нередко заключали браки между своими малолетними

детьми, которым до вступления в возраст оставалось еще лет десять, а то и больше, так что церковный брак, пусть и заключенный по всем правилам, все равно еще не полноценный брак, если не подкреплён консумацией.

Со стороны стола донесся негромкий мужской голос:

– Ну что, они уже?

На него зашикали, одна из женщин прошептала сердито:

– Нет еще, тихо!.. А то пропустим!

– Да что они тянут, – прошептал мужчина, – я бы уже...

– Тихо, – донесся женский голос, – еще успеешь за стол...

Лоенгрин наклонился к Эльзе и нежно поцеловал в ее полураскрытый в испуге рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.